

Мужчины, пришедшие большую частью изъ далекихъ мѣсть, искали глазами и спрашивали иногда у сосѣдей, гдѣ та или иная женщина. Подойдя къ ней, они прислонялись къ ея головѣ или приникали лицомъ къ ея колѣнямъ и, кладя свою руку на ея руку, плакали, а, можетъ-быть, что-либо потихоньку говорили. Отходя отъ такой старухи, нѣкоторые цѣловали ей руку. Вставъ съ заплаканными лицами, они потомъ пытались отыскать, среди сбитой кучи человѣческихъ тѣлъ, другую женщину, рядомъ съ которой считали своимъ долгомъ поплакать. Эта перемѣна мѣсть происходила долго, почти все время совмѣстнаго рыданія.

Къ двумъ сидящимъ рядомъ на землѣ женщинамъ подходили то та, то другой и, плача около нихъ, слегка хлопали волившихъ по плечу.

Было ясно,—это потому, при позднѣйшихъ разспросахъ, мнѣ и подтвердили,—что оплакивали не медвѣдя, а умершихъ людей.

Умершіе, правда, и раньше были уже оплаканы, такъ какъ каждый вновь прибывавшій въ селеніе долженъ былъ поплакать со старухами, ближайшими ихъ родственницами. Теперь это исполняли, какъ я сказалъ выше, лишь тѣ, которые явились въ самый день праздника и не имѣли удобнаго случая уединиться со старухами и женщинами въ особую, оставляемую на это время дѣтьми и прочими мужчинами юрту, чтобы вмѣстѣ поплакать и выразить свое соболѣзвованіе.

Около получаса я оставался нѣмымъ свидѣтелемъ этой странной, но трагической сцены. Взрослые не обращали на меня никакого вниманія. Подходило лишь нѣсколько дѣвочекъ-подростковъ и мальчиковъ, которые еще не были способны чувствовать то же, что и остальные, и больше изъ любопытства, чѣмъ изъ сочувствія, глядѣли на безграничную скорбь всего此刻 только тому назадъ веселившихся людей.

Понемногу стали отдѣляться отъ скученного сборища мужчины, вытирая на ходу руками и рукавами халатовъ слезы и сопли. Вопли прекратились. Плачь притихалъ. Толпа рѣдѣла. Большинство еще съ поникшими головами и каждый въ одиночку молча направлялись прямо къ рѣчкѣ, гдѣ старательно умывались. Нѣкоторые дѣлали то же самое передъ юртами. На лицахъ у всѣхъ были написаны торжественность и спокойствіе.

Нѣкоторые потому признавались, что отъ плача они ощущали боль въ горлѣ и подъ ложечкой.

Женщины оставались плакать немного дольше, адвѣ-три неугомонные старухи хныкали долго, отойдя лишь въ сторону отъ клѣтки, даже при выведеніи медвѣдя, и нѣсколько разъ старики и въ особенности хозяинъ подходили и приказывали перестать.

Старики отправились въ юрту, усѣлись на нарахъ, и здѣсь имъ было подано „сакѣ“. Они обсуждали вопросъ, кому поручить броситься на голову медвѣдя и держать ее во время надѣванія на него пояса и

наушниковъ, кого выбрать оараторомъ, должностную имъ сказать послѣднее прощальное слово, и кто встрѣтить медвѣдя съ „інау“ при выходѣ его изъ клѣтки. Въ этомъ совѣтѣ участвовали только старшии. Почетные гости, но еще не сѣдые люди, хотя и усѣлись въ юртѣ у огня, участія въ обсужденіи не принимали; все-таки, настороживъ уши, они прислушивались къ негромкому разговору старцевъ.

Пляски въ юртѣ не было. Одинъ женскій кругъ, составленный изъ подростковъ, съ участіемъ нѣсколькоихъ уже опытныхъ дѣвицъ, лѣниво подпрыгивалъ около медвѣжьего жилища.

У пебольшого окошечка сидѣла на корточкахъ женщина, принесшая въ узелькомъ корытцѣ изысканную ъду для виновника торжества.

Мужская молодежь была занята. Человѣкъ до десяти принялись надѣвать на медвѣдя толстые изъ сивучей кожи ремни, употребляемые при его *выведеніи*. Дѣло это нелегкое. Надо черезъ щели клѣтки просунуть ремни, которые тамъ уже затягиваются ему петлей на животѣ. Для крѣпости складывается нѣсколько ремней вмѣстѣ. Медвѣдь долженъ быть перетянутъ двумя петлями; длинные концы одной идутъ направо отъ медвѣдя, другой—палѣво. Медвѣдь вздрогнулъ и забѣгалъ по клѣткамъ пуще прежняго; его пугали эти необычные для него приемы. Сдѣлали большую петлю и старались, чтобы медвѣдь залѣзть въ нее передними ногами,—тогда петлю тотчасъ затянули бы. Но такъ какъ бросавшееся взадъ и впередъ животное не оставалось спокойнымъ, то въ петлю попадала голова, или голова и одна передняя нога, или же медвѣдь успѣвалъ выскользнуть, и захлестывалась одна лишь задняя нога и т. п. Двоє главныхъ участниковъ надѣванія петель направляли ремни, пользуясь для этого длинными палочками съ выемкой на концѣ, которую можно было схватить и поддержать ремень. Нѣсколько человѣкъ палками, просунутыми черезъ щели клѣтки, старались дразнить медвѣдя спереди или сзади, смотря по тому, какое его движеніе желательно было вызвать въ данную минуту. Концы были въ рукахъ нѣсколькихъ иныхъ участниковъ работы, которые должны были тянуть за нихъ тотчасъ, какъ только получать приказаніе старшихъ.

Всякая неудача сопровождалась громкими криками и взаимными перебранками. Нѣкоторые постарше не ограничивались въ такихъ случаяхъ крикливыми наставленіями или жестикуляціей, по подскакивали къ оказавшемуся неловкимъ парню, вырывали у него ремень или палку и продолжали сложную работу сами.

Клики радости или пегодованія безпрерывно смѣнялись, заглушая совсѣмъ тихіе возгласы плясавшихъ поблизости дѣвочекъ.

Онъ передвигались вяло, неохотно исполняя требуемый въ этотъ моментъ обычаемъ церемоніалъ. Вниманіе ихъ привлекала сцена, происходившая немного поодаль отъ клѣтки. Женщины наряжали дѣ-

тей въ драгоцѣнности, висѣвшія вою ночь въ юртѣ. Каждая мать одѣвала своихъ ребятъ, бездѣтныя же—своихъ племянниковъ или родственниковъ. Дѣти постарше нарядовъ не получали. Среди этихъ драгоцѣнностей—„косондо“—были старые китайскіе и японскіе парчевые халаты. Шиты золотомъ или разноцвѣтыми шелковыми нитками узоры: цветы, листья, драконы и т. п. еще выдѣлялись на полинялыхъ и потертыхъ одѣяніяхъ, видѣвшихъ, надо полагать, много такихъ же торжествъ на своемъ долгомъ вѣку. Были здѣсь и обычные японскіе шелковые „кімоно“, купленные, видимо, недавно. Совсѣмъ уже новаго происхожденія показались мнѣ платьица изъ ярко пестрыхъ шелковыхъ японскихъ матерій, сшитыя самими аинками въ видѣ рубашекъ или пелеринъ и надѣваемыя теперь на дѣтей, носимыхъ еще на рукахъ. Многимъ ребятамъ падѣвали на голѣву нѣчто въ родѣ капюшоновъ изъ такихъ же красивыхъ японскихъ шелковъ. На груди у всѣхъ одѣтыхъ ребятъ висѣли накинутые черезъ голову круги бусъ разной величины и разнообразныхъ цветовъ. Преобладали крупные синія каменныя или фарфоровыя бусы, привозившіяся раньше изъ Маньчжуріи и теперь цѣнимыя очень дорого. Видѣлись и дешевыя стеклянныя бусы, спеціально приготовляемыя японцами для айновъ.

Малыши съ веселыми, но не всегда чистыми лицами выстраивались въ рядъ и перетаптывались на мѣсто, представляя собой странный маскарадъ. Широкіе и слишкомъ длинные рукава болтались почти до земли; полы были подобраны въ складки и подпоясаны. Все это очень напоминало ряженыхъ. Никто не позволялъ себѣ шалить, всѣ были проникнуты важностью своей роли, которую и имъ, наконецъ, выпало сыграть на праздникѣ. Медвѣдь, передъ своимъ уходомъ отъ людей, долженъ былъ увидать, какъ торжественно его провожали. Только ради него вынуты были всѣ дорогія вещи, которыя въ обычное время никому не показываются и годами лежатъ петроупутыя въ сумахъ, въ темныхъ углахъ юртъ.

Пока женщины возились съ одѣваніемъ малой дѣтворы, мужчины выносили изъ юрты къ лобному мѣstu тѣ сабли и старые колчаны, что висѣли ночью на стѣнкѣ. Туда же понесли и спеціально для этого предназначенные цыновки, которыя въ развернутомъ видѣ прислонили къ поставленному паканунѣ забору.

„Інау-ко“, или мѣсто, гдѣ ставится „інау“ и у котораго убивается медвѣдь, состоитъ изъ заборчика и поставленного передъ нимъ высокаго столба.

Зaborчикъ устраивается изъ ряда 60 воткнутыхъ одна около другой молодыхъ елочекъ вышиною въ 3¹/₄—4 аршина. Вѣтки у этихъ елокъ снизу обрѣзаны и оставлены лишь у верхушки. Рядомъ съ елками, немнogo впереди ихъ, ставится на равномъ другъ отъ друга разстояніи шесть такой же высоты „інау“, паз. „пекер інау“ (блестящія „інау“). Порядокъ установки этихъ высокихъ кольевъ, за-

качивающихся у верхушки кудрявымъ „інау“, стѣдующій: 1) сунку—ель; 2) інурекапі—ольха; 3) тахпі—береза; 4) сунку—ель; 5) яјуф—пихта; 6) інурекані—ольха. Къ этимъ кольямъ подвязываются, на высотѣ $1\frac{1}{2}$ аршинъ отъ земли, двѣ тонкія жердочки, и межъ нихъ вставляются 60 недлинныхъ пушистыхъ „інау“ изъ вербы, одно возлѣ другого; кромѣ того, прислоняются къ забору поставленные на земль развернутые маты.

Передъ заборомъ, обращеннымъ въ сторону, куда обращены и двери домовъ селенія, ставятъ высокій вилообразный столбъ изъ ели или пихты, наз. „тугусі“. Дерево для него, такъ же какъ и 6 „пекер інау“ и 60 елочекъ, рубятся лишь въ день, предшествующій дню выведенія медвѣда.

„Тугусі“ очищается отъ вѣтвей и коры. Передъ установкой, къ концамъ развилины привязываются „інау“, къ которымъ прикрѣпляются къ одному—сережки изъ скрученныхъ стружекъ, къ другому—шарики изъ стружекъ. Первое „інау“ привязывается къ болѣе короткому отрогу развилины, называемому женскимъ, а другое съ шариками—къ болѣе высокому, мужскому. Ниже раздвоенія въ столбъ вбивается небольшая палочка въ видѣ гвоздя, и на нее устанавливается малое „інау“.

Одновременно приготавляютъ и ставятъ у забора, до времени вынесенія головы медвѣда въ лѣсъ, тонкія, но высокія вилы, на которыхъ потомъ насаживаютъ его черепъ. Называются эти вилы—„ісокуа“—медвѣжья палка, или „кеюх-ні“ (кеј-о-ні)—палка для насаживания черепа. Эти вилы дѣлаются изъ ели, если „тугусі“ поставлено пихтовое, и обратно изъ пихты—при еловомъ „тугусі“.

У забора хлопотать и заправлять развѣшиваніемъ самъ хозяинъ. Дѣло это—важное, и поручить его кому-либо было бы опасно. Развѣшиваніе сабель требуетъ немалаго знакомства съ ними. Сабли имѣютъ свою іерархію по своему достоинству, которое имъ даетъ не качество клинка, а тотъ или иной рисунокъ на послѣднемъ или рѣзьба на ножнахъ. Бываютъ вырѣзаны линіи, имѣющія подобіе горъ, облаковъ, слѣды ногъ цапли или большого кулика, а также слѣдъ медвѣжьей лапы.

Хозяинъ изъ учтивости долженъ быть повѣстить на главномъ мѣстѣ,—слѣдовательно, съ праваго края забора (а если глядѣть на него, то съ лѣвой руки),—тѣ сабли, которые привезены чужими; свои собственные, хотя бы и хорошия, надо вѣшать ближе къ другому, менѣе важному концу забора.

Сабли были развѣшены по 3, по 4; каждая имѣла широкій ефесъ, закоптѣлый отъ дыма, но со слѣдами красивыхъ узоровъ и тканья.

Между саблями повѣсили плоскіе деревянные колчаны, выложеніе серебряными бляшками. Принесли также и предметы, относящіеся къ медвѣжьему культу: спеціальный ящичекъ (рис. 3), куда кладись ножи, употребляемые исключительно для разрѣзыванія медвѣжьей

туши, и талисманы въ видѣ свертковъ, обмотанныхъ веревочками изъ стружекъ дерева, наз. „ишау-ру“. Что было въ каждомъ изъ нихъ, не было видно. Собственникъ талисмана этого не скажеть, такъ какъ талисманъ имѣеть силу лишь до тѣхъ поръ, пока неизвѣстенъ другимъ. Но нѣкоторые и сами не знаютъ, что заключается въ этихъ пучкахъ, пережившихъ уже нѣсколько поколѣній владѣльцевъ. По крайней мѣрѣ, одинъ молодой айнъ, оставшійся самостоятельнымъ хозяиномъ послѣ внезапной смерти отца, не успѣвшаго передать сыну преданій относительно имѣющихъ въ ихъ домѣ талисмановъ,

Рис. 3. С. Ай. Инау сзади дома и подвѣшенный ящикъ съ ножами для рѣзанія медвѣжьего мяса и съ колчанами, въ которыхъ хранятся стрѣлы на медвѣдя.

разсказывалъ мнѣ, что, желая узнать тайну, онъ расколупалъ стружки, чтобы взглянуть въ середину, но тамъ ничего не нашелъ. Очевидно, положенный предметъ, превращенный отдаленными предками въ фетишъ, уже истлѣлъ. Здѣсь на праздникѣ вынуты были лишь талисманы, принадлежавшіе хозяину медвѣдя. Ихъ повѣсили посерединѣ стѣнки, гдѣ развѣвались также два маньчжурскихъ парчевыхъ халата, употребляемые въ этой семье специально для вѣшанія на стѣнку, но не надѣваемые на ребятъ.

Простой лукъ изъ бересклетового дерева еще съ вечера былъ положенъ въ траву у забора, для того чтобы онъ немногого отсырѣлъ и быть болѣе гибкимъ. Его и нѣсколько стрѣлъ поставили посерединѣ празд-

ничной арены; тамъ же было прислонено къ стѣнкѣ высокое тонкое „інау“.

Когда приготовлениа кончились, всѣ вернулись къ юртѣ, гдѣ у клѣтки, все еще съ громкими рѣзкими спорами, возились надѣвавшіе на медвѣдя петли.

Изъ юрты только-что вышелъ одинъ изъ почетныхъ гостей, участовавшій въ совѣтѣ старшихъ, и объявилъ находившимся на дворѣ, кого избрали старики для важныхъ ролей при выведеніи медвѣдя. Рѣшеніе было встрѣчено безъ одобренія или порицанія. Никто не перечилъ, да и не смѣль протестовать противъ рѣшенія старииковъ. Всѣ лишь стали искать глазами тѣхъ, кому выпала завидная доля, въ присутствіи громаднаго стеченія народа, схватить медвѣдя за голову и держать ее, пока его не украсятъ. Среди молодежи многіе рады бы показать свое искусство и смѣлость, но желаніемъ старѣйшинъ было сдѣлать удовольствіе пріѣхавшимъ издалека. Надо было, по традиціямъ аинскаго обычая, предоставить первенство тѣмъ, которые неожиданно времени и трудовъ и прибыли, сдѣлавъ сотни верстъ не легкаго пути вдоль каменистаго морскаго берега. Оба избранные лѣтъ по тридцати мужчины, плечистые и крѣпкие, приводили въ порядокъ свое одѣяніе, присѣдали, стягивали себя поясомъ и пробовали, не мѣшаетъ ли что-либо въ движеніяхъ. Они надѣли понѣсколько штуку халатовъ, желая защитить себя отъ ранъ въ случаѣ, если медвѣдю удастся воспользоваться ихъ неловкостью и схватить зубами или лапою бросившагося въ его объятія.

Стоявшій рядомъ со мною со скрещенными на груди руками аинъ пояснилъ мнѣ, что въ былые времена бросавшійся на медвѣдя надѣвалъ собачью шубу, вывернутую шерстью внутрь. Это считалось лучшимъ предохраненіемъ себя отъ пораненія.

Я поторопился пойти въ юрту Тамкина за аппаратомъ, который могъ уже понадобиться. Вблизи отъ тропки я увидалъ въ кустахъ лежавшаго на землѣ среднихъ лѣтъ аина, который дрожалъ всѣмъ тѣломъ; моментами его подергивало, какъ въ конвульсіяхъ. Проходившая мимо въ это время женщина лишь улыбнулась и со словами „кангі кара айну“ пошла дальше, не придавая увидѣнному никакого значенія. Оказалось, что лежавшій заболѣлъ отъ медвѣжьего запаха; называется это „іѣб ікбні“. Принести воды больному или внести его въ юрту мы не позволили. Припадокъ могъ будто легче пройти на свѣжемъ воздухѣ, гдѣ продувало слабымъ, но прохладнымъ утреннимъ вѣтеркомъ. Чтобы скорѣе вернуть лежавшему сознаніе, приведенный мною аинъ отправился къ мѣсту, гдѣ должно было произойти убиеніе медвѣдя, и настружилъ изъ стоявшихъ тамъ „інау“ нѣсколько длинныхъ лентъ, которая сплелъ, и ими перевязалъ шею и руки больного. Спустя четверть часа я видѣлъ его уже вполнѣ бодрымъ въ общей толпѣ.

Когда я вернулся къ клѣткѣ, шумъ здѣсь усилился. Петли были

надѣты на медвѣдя и затянуты. Приступали къ его выведенію. Старики выносили изъ юрты на широкихъ блюдахъ вареный рисъ, клубни сараны и *Corydalis ambigua*, поясъ, наушники, головной уборъ и свертокъ плетеной цыновки, съ вложенными въ нее кореньями и табакомъ. Вдоль свертка были воткнуты двѣ стрѣлы.

Пожилая женщина вынесла длинное корытце, изъ которого всегда кормился медвѣдь, съ насыпаннымъ туда рисомъ и съѣдѣбными кореньями, залитыми перничимъ жиромъ. Это должно было служить послѣднимъ прощальнымъ блюдомъ, съѣденнымъ здѣсь медвѣдемъ у своихъ друзей.

Нѣкоторые старики стали забираться на крышу дома, чтобы оттуда удобнѣе было глядѣть на ожидаемое зрѣлище. Другие, что поборѣе, наводили кругомъ порядокъ. Разряженныя дѣти и девушки, державшія на рукахъ такихъ же малышей, были переставлены по дальше отъ клѣтки, въ сторону, и выстроены въ рядъ какъ разъ противъ той тропки, по которой должны были вести потомъ медвѣдя отъ дома къ мѣсту убиенія.

Молодежь запасалась колющими и разсыпалась впереди клѣтки въ нѣсколькихъ шагахъ одинъ отъ другого. Высокій, еще бодрый старикъ взялъ стоявшую у стѣнки юрты приготовленную длинную и тонкую елочку безъ вѣтвей, но съ висящими стружками на концѣ, и ждалъ, когда медвѣдь начнетъ выходить изъ клѣтки.

Тѣмъ временемъ сбрасывали полѣнья, придавливавшія потолокъ клѣтки, разобрали его наполовину и ждали выхода медвѣдя на просторъ.

Усталое животное не выражало желанія двигаться. Тогда стоявшіе на неразобранной части потолка клѣтки начали дразнить его палками, нагибаясь возможно ниже лицомъ, чтобы расшевелить запуганнаго или измученнаго плѣнника. Это, очевидно, подействовало: онъ собрался съ силами и вдругъ выпрыгнулъ на верхній вѣнецъ сруба, соскочилъ на землю и сталъ озираться направо и налево (рис. 4). Всѣ съ криками подались въ обѣ стороны.

Впереди медвѣдя стоялъ старикъ съ „інау“ и помахивалъ имъ, каждый разъ слегка ударяя животное по лбу. Ремни крѣпко были натянуты; за концы держало человѣкъ по 8—10; медвѣдь не могъ пошевелиться.

Старикъ исполнилъ свою задачу, какъ слѣдуетъ. Всегда для этого выбираютъ человѣка пожилого, но съ хорошимъ зрѣніемъ. Онъ вѣремя, еще когда медвѣдь былъ на верху клѣтки, ударилъ его „інау“ и затѣмъ отступалъ назадъ, немнога подпрыгивая подъ тактъ пѣсни, негромко имъ пропѣтой. Просилъ онъ медвѣдя выказать хорошее расположение духа и не дѣлать вреда молодымъ людямъ, желающимъ лишь выказать ему свое почтеніе...

Вотъ текстъ этой пѣсни:

„Тамбе кусу піріка рампо ејајконте кашне еасін цікіп піріка панко.
Тамбе пате сукұп айну утара енану ва нејке ай ѫајтунаре кусу
анкіні тапе. Нах ан кусу та оро ва еңікі цікін піріка. Сукуф утара

Рис. 4. С. Серароко. Медвѣдь, выведенный изъ клѣтки, не хочетъ двигаться.
«цине кусу тамбе яј рам охтә еңікорб цікін піріка. Тамбе яј уїатупаре
ітә анкі тапе»¹⁾.

„Вотъ съ добрымъ расположениемъ если выйдешь, будетъ хорошо.
Объ этомъ только молодые люди съ почтенiemъ думаютъ. Поэтому,

¹⁾ Въ виду невыдержанности транскрипцii въ рукошии и за невозмож-
ностью снести въ настоящее время съ авторомъ, находящимся за границей, ре-
дакцiя не ручается за вполнi правильную передачу аинского текста какъ здѣсь,
такъ и ниже (стр. 119—120).
Ред.

если ты потомъ такъ поступишь, будетъ хороню. Молодые люди, если это въ душѣ будете имѣть, будетъ хорошо. Это съ почтеніемъ я говорю».

Краткое слово было закончено. Старикъ отошелъ въ сторону. „Інау“ отнесли затѣмъ къ украшенному забору „інау-ко“. Ремни немного отпустили, и медвѣдь подался нѣсколько шаговъ впередъ, но потомъ съ досадою ухватился зубами за ремень и сталъ его грызть. Всѣ заволновались; поднялся невообразимый гвалтъ. Велѣли совать медвѣдю въ ротъ палку, но это мало помогало. Казалось, звѣрь понялъ свое положеніе и грозившую ему участь. Пытаясь добѣть себѣ свободу, онъ все съ болѣшимъ остервенѣніемъ грызъ ремень, не обращая вниманія на удары палками, на болѣзенныя дотрагиванія острыми концами обломанного шеста до лишенныхъ шерсти подошвъ.

Волненіе среди присутствовавшихъ росло; гамъ усиливался. Въ крикахъ слышалась тревога. Медвѣдь выпустилъ ремень изъ окровавленного палками рта. Пришлось вновь водворить мишку въ клѣтку и перевязать свѣжими ремнями, ибо прежніе были уже пенадежны.

Когда медвѣдь вылѣзъ вторично на небольшую площадку передъ клѣткой, то стоявшій уже наготовѣ и слѣдившій за всяkimъ движеніемъ медвѣдя красивый здоровый айнъ прыгнулъ и очутился животомъ на мордѣ животнаго, а руками обвился вокругъ его шеи. Въ тотъ же моментъ другой айнъ, назначенный帮忙ть въ этой схваткѣ, уже держалъ первого сзади, чтобы медвѣдь не могъ головой поднять своего противника. Сзади бросилось двое человѣкъ и прижимали тѣло къ землѣ; на спину положена была толстая дубина, которую съ обоихъ концовъ давили по нѣсколько человѣкъ, не давая медвѣдю возможности подниматься вверхъ и ворочаться. Къ каждой изъ ногъ его приставлены были вплотную два скрещивающіеся близко отъ земли шеста, чтобы не дать медвѣдю шевелить ногами.

Все это совершилось одновременно и такъ быстро, что уже въ одну минуту не было видно медвѣдя, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стояль, была груда прижатыхъ другъ къ другу человѣческихъ фигуръ.

Старики, наблюдавшіе схватку съ медвѣдемъ съ крыши юрты, и стоявшіе поодаль пожилые айны безостановочно выкрикивали все новые совѣты и понуканія. Галдѣли и исполнители, передавая другъ другу свои замѣчанія относительно движенія животнаго, которое напрягало всѣ свои усилія, чтобы высвободиться изъ непрѣятныхъ для него объятій. Въ эту кучу пробралось двое айновъ съ плетенымъ травянымъ поясомъ, которымъ должны были перевязать животъ медвѣдя. Послѣ долгихъ усилий медвѣдя удалось, наконецъ, перепоясать и завязать на его спинѣ узель. Но какъ разъ въ этотъ моментъ медвѣдь сталъ ворочать своей мордой, самою подвижною частью своего тѣла, все сильнѣе и сильнѣе: оказалось, что у того айна, который первый ухватился за голову медвѣдя, затекли руки, и онъ дольше не былъ въ состояніи

сдерживать отчаянныхъ усилій звѣря. Была опасность, что онъ высвободить голову и схватить кого-нибудь зубами.

Опять толпа засуетилась и заголосила. Уговаривались, перебивая другъ друга; нѣкоторые орали, досадуя на другихъ; пять-шесть подвыпившихъ стариковъ произительно галдѣли, чтобы хоть такимъ образомъ принять участіе въ этомъ важномъ и самомъ опасномъ актѣ праздника. Наконецъ, пришли къ соглашенію. Наступила минутная тишина; всѣ замолкли, выжидая сигнала. Затѣмъ сразу, съ громкими возгласами, всѣ возившіеся съ медвѣдемъ отскочили отъ него въ разныя стороны. Медвѣдь расправилъ свое помятое туловище и алобно оглянулся своихъ мучителей. Но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ въ одну сторону, потомъ въ другую, какъ на него опять наскочилъ смѣльчакъ, а за нимъ и вся ватага и скрыли его отъ глазъ зрителей. Онъ не подавалъ голоса, и можно было подумать, что онъ замеръ; но что за человѣческими спинами и туловищами было что-то живое, показывало передвиженіе время отъ времени людскихъ ногъ, усиля придавить, побороть могучаго звѣря.

Спустя четверть часа медвѣдь опять былъ оставленъ одинъ. Туловище его было обмотано плетенымъ поясомъ; на спинѣ лежали пришитые къ поясу плетеные мѣшечки съ разными съѣдобными продуктами, а къ ушамъ были пришиты сдѣланные изъ скрученныхъ стружекъ наушники, похожіе на тѣ, что носятъ зимою гиляки.

Головного украшенія, о которомъ мнѣ приходилось слышать, не надѣли. Оно въ обычай лишь у айновъ юга, начиная съ с. Ай.

Медвѣдь былъ теперь готовъ. Его пора было вести, но послѣ долгихъ споровъ хозяинъ позволилъ молодымъ людямъ поиграть и разрѣшилъ прыгать на голову медвѣдя вся кому, кто того пожелаетъ.

Засуетилась молодежь. Тѣ, что рѣшились попробовать броситься на голову медвѣдя, передвинулись на свободное пространство впереди медвѣдя. Началось оттягиваніе однимъ другого и споры, кому кинуться первымъ. Нѣкоторые старались удержать сильно захмелѣвшаго и сующагося впередъ криклиаго айна съ небольшой козлиной бородкой. Онъ вырывался и кричалъ: „Піріка, кубаба ва цено“ (Ладно, пусть себѣ укусить) и рвался впередъ. Долженъ быть вмѣшаться хозяинъ, который даже замахнулся палкою, чтобы усмирить буяна. Пришедшіе съ сѣвера стояли скромно. Они и стѣснялись здѣсь въ мало знакомомъ обществѣ и привыкли къ своему обычай, что на голову медвѣдя бросаются лишь по приказанію стариковъ...

Незачѣмъ также имъ было стараться показать свое умѣнье. И такъ они пользуются славою лучшихъ охотниковъ на медвѣдя и ловкихъ въ обращеніи съ плѣнникомъ, уступая лишь ближайшимъ своимъ соѣдямъ, гилякамъ.

Медвѣдь сталь на заднія лапы какъ разъ въ то время, когда уже подбѣжалъ къ нему первый смѣльчакъ. Онъ во-время замѣтилъ

и сдѣлалъ прыжокъ въ сторону при крикахъ всѣхъ зрителей. Не успѣть медвѣдь стать опять на всѣ четыре лапы, какъ уже молодой аинъ вспрыгнулъ медвѣдю на голову и тотчасъ отскочилъ прочь. Затѣмъ повторилъ то же второй, третій. Я замѣтилъ, что бросались на голову медвѣдя, высматривая, когда у того глаза опущены внизъ. Очевидно, этимъ выгадывается нѣсколько секундъ, и медвѣдь не имѣеть возможности приготовить для нападающаго на него свои когти или зубы...

Рис. 5. Медвѣжій праздникъ. Мимо дѣтей, одѣтыхъ въ шелковые платья и украшенныхъ разными бусами-ожерельями, проводятъ медвѣдя.

Впрочемъ, нѣкоторые прыгали на морду медвѣдя совсѣмъ сбоку или даже сзади, но такие прыжки вызывали только насмѣшки.

— Гемака! — закричалъ среди общаго гама хозяинъ и прервать забаву молодежи.

Старики стали слѣзать съ крыши. Молодые бросали палки, которыми были вооружены, и шествіе двинулось отъ клѣтки вдоль задней стѣнки дома и затѣмъ вѣтво къ аренѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ впереди медвѣдя шелъ хозяинъ его, надѣвъ на себя свертокъ съ привязанной къ нему лямкой. Это будто бы особенно прѣятно медвѣдю, который видѣть предупредительность со стороны хозяина, помогающаго ему нести приготовленную для дальней дороги провизію.

Разодѣти дѣти, лишь только пропустили мимо себя лѣниво ступающаго и озирающагося во всѣ стороны медвѣди, пошли вмѣстѣ со всесю толпою жадно съѣдившихъ за всѣмъ зрителей (рис. 5). Три старухи, дольше всѣхъ плакавшія, ухватились за конецъ одного ремня и поплелись, слегка еще продолжая всхлипывать. Пять-шестъ рѣзвыхъ малъчугановъ бросилось было впередъ съ намѣреніемъ, очевидно, дойти до арены первыми, но сей часъ же получили нагоняй; ихъ отозвали, велѣвъ ити вмѣстѣ со всѣми. Никто не имѣетъ права двигаться впереди медвѣдя.

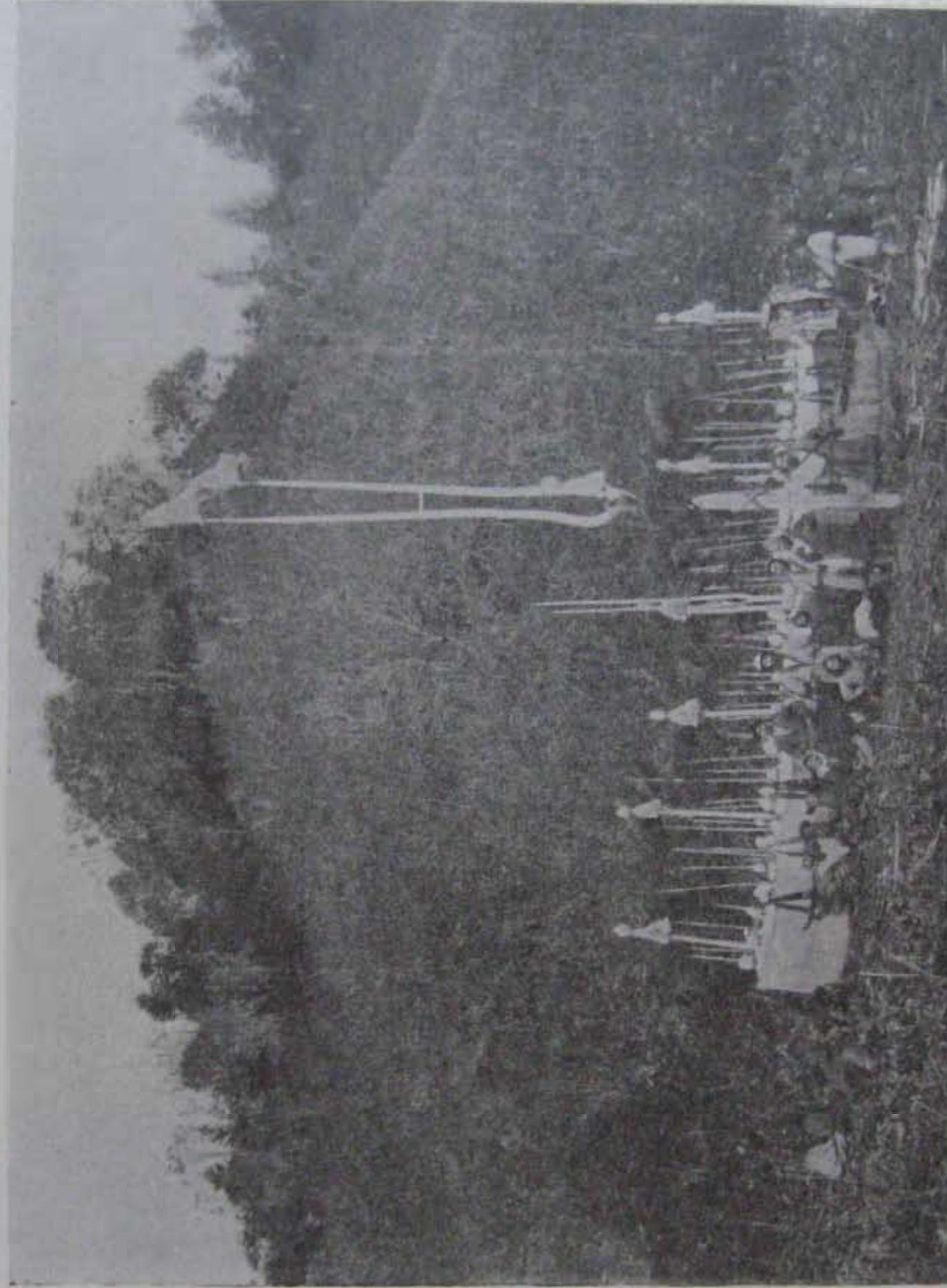

Рис. 6. С. Серароко. Медвѣжій праздникъ осенью. Общий видъ мяста, гдѣ произошло убіеніе медвѣдя. 1902 г.

Его ведутъ такъ, чтобы онъ могъ издали съ удовольствіемъ разсматривать арену, разукрашенную ради него „инай“, саблями, колчанами, талисманами, вообще всѣмъ, что есть дорогого у айновъ (рис. 6). И удивилъ тому сложеству, которое наступило въ поведеніи медвѣдя.

— Инай мау ну кецарасно ап пе панко (услышать запахъ „инай“ и потому стать доволенъ), — разъяснилъ щедший рядомъ со мною аинъ, глубоко вѣрившій, какъ и весь его единоплеменники, что самое приятное для медвѣдя — это видѣть то обѣде „инай“, которое приготовлено на опушкѣ лѣса. (См. доп. №№ 33 и 34).

Когда медвѣдя довели туда вплотную, то концами ремней привязали его между двухъ вилообразныхъ столбовъ (тугусі), изъ которыхъ одинъ былъ новый, а другой—старый, безъ „інау“, оставшійся отъ бывшаго пѣсколько лѣть тому назадъ праздника. Лишь только концы были закрѣплены, медвѣдю подали принесенное въ его корытцъ послѣднее угощеніе изъ риса и кореньевъ. (См. доп. № 4).

Неохотно и не сразу принялъ за Ѣду измученный звѣрь, очевидно, предчувствовавшій что-то недобroe изъ всѣхъ пѣбывалыхъ по отношенію къ нему дѣйствiй. Онъ мотался изъ стороны въ сторону,

Рис. 7. С. Отасанъ. Медвѣжій праздникъ зимою 1905 г. Прощальная рѣчь. ложился и стала рыть лапами землю, издавая глухой ворчливый ревъ. Это, впрочемъ, мало трогало его хозяевъ. Лишь только медвѣдь отвѣдалъ немного изъ корытца, его убрали.

Наступилъ самый торжественный моментъ праздника.

Выступилъ старикъ, назначенный уже заранѣе, съ длиннымъ въ $1\frac{1}{2}$ сажени тонкимъ „іпау“ и, взявшиcь за одинъ его конецъ, опускалъ висящія спирали на медвѣдя.

Ему, покидающему земныхъ своихъ пріятелей, предстояло услышать ихъ прощальное слово (рис. 7). Медвѣдь, вскормленный съ дѣтства человѣкомъ, пойдетъ на востокъ, а не на западъ, куда уходить умершіе люди. Поэтому, старикъ долженъ быть произнести рѣчь, стоя лицомъ къ солнцу.

Вся тоцна стала полукругомъ (рис. 8); ближе къ оратору подплю иѣсколько человѣкъ среднихъ лѣтъ, прислушивавшихся затѣмъ жадно ко всѣй рѣчи. Это—единственный случай узнатъ содержаніе ея, такъ какъ безъ соответствующаго повода нельзѧ айтамъ повторять ни молитвъ ни этого торжественнаго прощальнаго слова. А въ данномъ случаѣ интересно было любознательнымъ людямъ услышать рѣчь славившагося своимъ умомъ и пользовавшагося большимъ вѣсомъ старика изъ Гарайки, рѣдкаго здѣсь гостя.

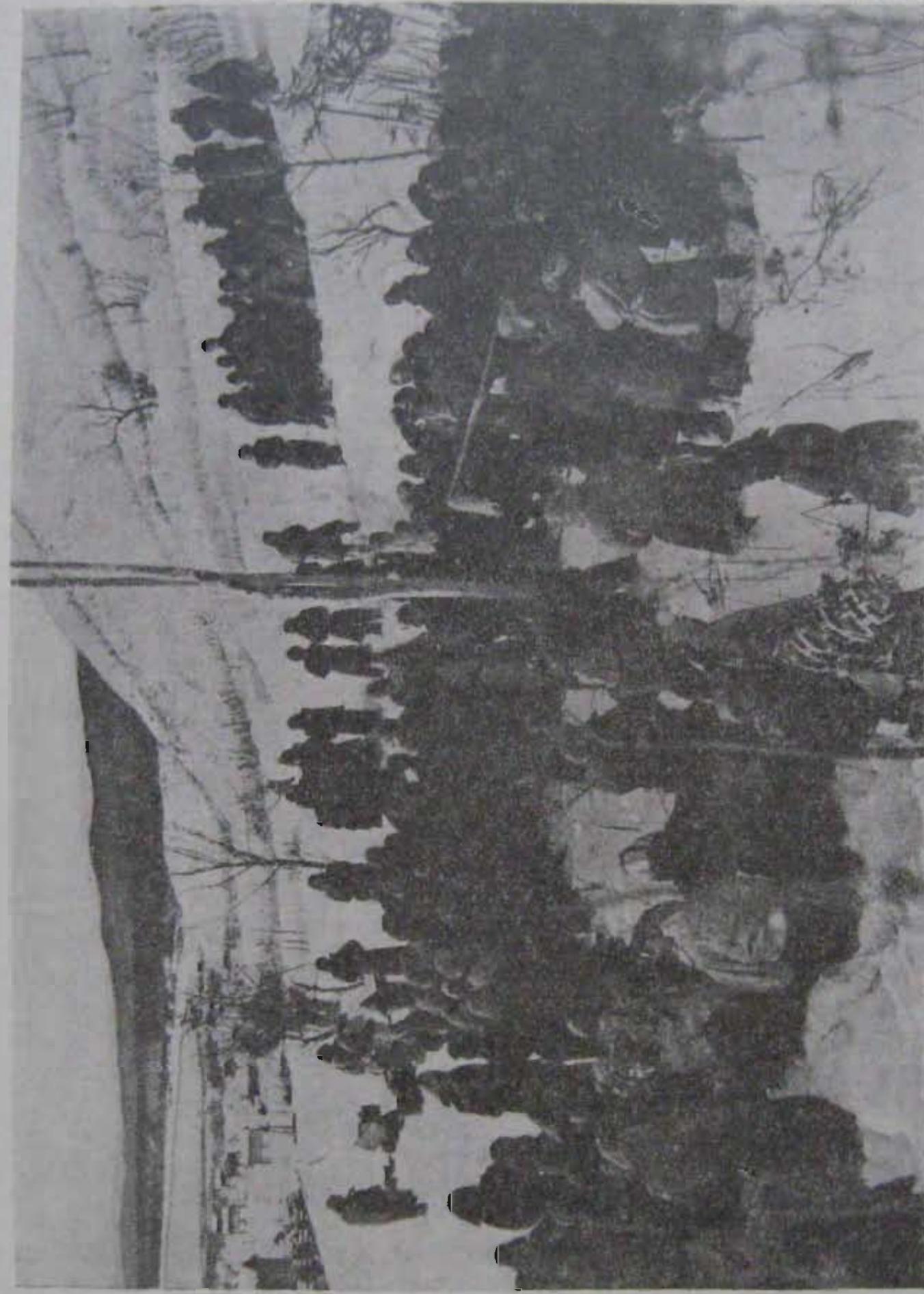

Рис. 8. Мещанскій праздникъ въ Серароко зимою 1905 г. Прощальная рѣчъ.

Немного присѣдалъ и подымалъ и опускалъ „ину“ при каждой двухъ-трехъ словахъ, старецъ говорилъ обычныи мѣт молитвъ и важныхъ бесѣдъ прерывистымъ речитативомъ. Дрожацій, по отчетливый голосъ разносилъ среди сокрушеной кучки людей, застывшихъ въ гробомъ молчаній.

Рѣчь же была такова:

Ку камуј міції пі онтука ане кара-кара, ту паекасу улонанасі ец-екара-кара, тан асіс тобоць уран-госпе-ка але кара-кара, тобоці пахно, като пахно вокарамеціу ане кара-кара, шау ѵуф кірі ане кара-кара, токі сай коро ане уран-госпе-ка кі за анте, тан камуј сінта ане кара-кара, тане контаке ан-щуф тутан ка, тахкон контаке аї јобо кінте екб синта шаке ѵуфкі коте синта тујоро ејај омаре, ту шау ѵуфкі, ту-томі ѵуфкі сінта тујоро ејај омаре еківа-анте, сінта

пакене ејај-ко-јуфпа, сінта кесене есонітатаре, еківа анте. като пісоро-
енісе-нумá еківа танне, екіја рапокіі ту-пекер урара есока курешу,
метохсірі кава векан пісунұ ане јај кара-кара, ківа тахне, тахтахне
урара метохсірі ката кон-нісепајкіре, тамбе патне косіре јану, сінта ко-
цассе еківа танне уңакаспо тојру санкі пітассам, есінта оранке еківа
неја, неја оудно ту-інау сіке еці пендзорока раріканне. Ту-томі-сікé
е-пандзоро касі мојре ахкас етуман поіпак екі-рапокіі аңане тбрі попо,
тамбахне еунаве попо, тамбе пате е-конанасі канне е-ахкас күмнене,
екі-рапокіі уңакасно тојру камуј ках тұка руғне ту токіі еуренкаре
нујке ту токіі еуренкаре. Тамбе пате којај-раматте екі күмнене. Екі
рапокіі тал асіс тојру ңуфка копаке, асіс тојру коро қахкема етоко
kah тојру ејајкаріре ахун ңуф ко пакене емакан тојру фурекі емакан
тојру, ејајстома куп тојру, тан камуј мб-ру екосірена техне. Мору ко
ахун етокота рікіл ңуф копакета екоңе-епарұ, мору тујоро еко ахунцікі
орова танне екоро қахкема екоро оммо. Шіріка евенуқсане екі ківа
опокінно. Уреңске ітара енциу һенкі тета оровá уреңске ітара, ітара
каскене ане вонтуікá, неја ітары екату коропе нејасірі на-кета есі-
сехта-са, тамбе пате којонајстан цікі напко.

„Мой прекрасный впукъ, мы тебя хорошенько выкормили. Больше
двухъ лѣтъ мы жили съ тобою вмѣстъ. Въ этотъ повый день, сдѣ-
лавъ твои мысли легкими, женщины и мужчины провожаютъ тебя
съ сожалѣniемъ. Мы для тебя приготовили „інау“, для твоего удоволь-
ствія развѣспли сабли, поставили вилобразный столбъ; длинный кон-
чикъ вилъ стоитъ ближе къ солицу, а короткій немного ниже. Твоего
„сінта“¹⁾ верхушки касаются лучей солнечныхъ. Усѣвшись внутри,
возьмешь съ собою лучи, идущіе отъ свѣжихъ „інау“ и отъ повѣшен-
ныхъ драгоцѣнностей. Привязавъ себя къ „сінта“, ты вспорхніи вверхъ.
Мужскою тучкою поднимись къ облакамъ. А въ это самое время изъ
высокихъ горъ свѣтлый туманъ спустится внизъ и будетъ выгля-
дывать навстрѣчу тебѣ. А надъ горами барашковое облачко будетъ
подниматься все выше. Всматриваясь въ это зрѣлище и скользя на
своемъ „сінта“, ты спустишись на склонъ горы, поросшій листвен-
нымъ лѣсомъ, и пойдешь по дорогѣ, указанной нами. Будеть у тебя
на спинѣ, ближе къ шеѣ, поша съ „інау“, а ближе къ хвосту—ноша
сабель. Нагнувшись отъ тяжести, медленно пойдешь ты, пошатывая
всѣмъ туловищемъ. Въ это время птицы-дяди (т.-е. вороны), которымъ
ты несешь угощеніе, со всѣхъ сторонъ тебя окруживъ, будуть кри-
чать. Такъ ты пойдешь, а по дорогѣ увидишъ слѣдъ животнаго: боль-
шого слѣда ямки парнья и меньшаго слѣда тоже. Придерживаясь
ихъ, ты пойдешь дальше по новой дорогѣ, ведущей къ восходящему

¹⁾ „Сінта“—родъ саней, вообще предметъ, на которомъ въ героническихъ ска-
занияхъ богатыри чудодѣйственной силой переносятся за сотни верстъ. Для мед-
ведя „сінта“ служить углубленіе въ вилахъ столба, на которомъ будто отъѣдетъ
онъ къ своимъ родителямъ.

солнцу. Эта новая дорога сдѣлана только что передъ твоимъ приходомъ твою матерью. Дорога же, что ведеть къ заходящему солнцу, которою идутъ умершіе,—опасная дорога. Идя по первой, ты дойдешь до своего дома. Прійдя къ нему, прежде чѣмъ туда зайдешь, ты запрыгаешь отъ радости. Ласково встрѣтить тебя твоя мать-старуха. Потомъ ты вспомнишь то мѣсто, гдѣ ты росъ, гдѣ люди-дѣды издавна живутъ и тебя кормили. И въ то же село, на другой годъ, взамѣнъ себя, ты пошлешь похожаго на тебя. Этого только мы выжидать будемъ". (См. доп. № 3).

Сказавъ это и слегка ударивъ въ послѣдній разъ повисшими стружками „інау“, старикъ передалъ его стоявшимъ поблизости людямъ и спокойно прошелъ въ сторону.

Слово было сказано, по мнѣнію всѣхъ, прекрасно, но никто не выказывалъ одобренія. Каждый подумалъ про себя, что эта трудная задача выполнена удовлетворительно. Медвѣдь остался доволенъ, о чёмъ можно заключить уже изъ того, что не сломалъ „інау“, которымъ ораторъ помахивалъ, и на будущий годъ опять въ селѣ будетъ медвѣженокъ.

Публика все еще хранила глубокое молчаніе. Хозяинъ озиралъ глазами присутствовавшихъ, выбирая, кому поручить важную честь убіенія медвѣдя. Заранѣе думать объ этомъ не дозволяется. Даже говорить объ убіеніи пельзя: это повлекло бы за собою неудачу при стрѣляніи и гпѣвъ бога...

Стрѣлкомъ предстояло быть одному изъ молодыхъ. Запрета при этомъ нѣть никакого: одинаково убивать могутъ сородичи хозяина и совершенно чужие люди. Болѣе скромные изъ нихъ уже заранѣе стали подальше и въ эту минуту прятались за спинами другихъ. Нѣкоторые, напротивъ, вышли изъ заднихъ рядовъ, какъ бы желая обратить вниманіе на себя, но не напрашивались и не глядѣли даже въ лицо стоявшему посрединѣ полукруга хозяину.

Старики изъ такихъ, которымъ мало говорилъ хозяйскій авторитетъ, не стѣсняясь, давали свои совѣты назначить того или иного для почетной роли. Хозяинъ, хотя и слушалъ, но не отвѣчалъ и взвѣшивалъ молча, про себя, каждого названаго. Наконецъ, онъ выкрикнулъ имя молодого, еще безусаго высокаго парня лѣтъ 22, родомъ изъ сѣвернаго селенія Найеро. Бѣдняга, весь раскраснѣвшись, какъ дѣвица, отошелъ въ сторону и, отвернувшись отъ публики, смотрѣть въ землю, выражая этимъ свой протестъ. Но это мало дѣйствовало. Старики присоединились къ мнѣнію хозяина и понукали пристыженаго Фуреністангі (таково его имя) подойти и исполнить возложеннуя на него обязанность. Односельчане, что постарше, насилино повернули его и пріободрили двумя-тремя ласковыми словами, а одинъ изъ хозяевъ подалъ ему лукъ, уже хорошо натянутыі, и стрѣлу.

Фуреністангі подошель къ медвѣдю и на разстояніи четырехъ шаговъ сталъ прицѣливаться, выжидая, когда тотъ станетъ къ нему лѣвымъ бокомъ и тѣмъ дасть возможность попасть въ сердце. Нѣсколько разъ приходилось подымать и опускать лукъ, такъ какъ медвѣдь не стоялъ спокойно, метаясь изъ стороны въ сторону.

Старики не могли оставаться бездѣятельными: то одинъ, то другой давалъ какой-либо совѣтъ молодому неопытному Фуреністангі, собиравшемуся еще впервые отправить медвѣдя къ его родителямъ. Сѣдовласый старецъ подошелъ почти вплотную къ медвѣдю и палочкой сталъ показывать мѣсто, въ которое надо цѣлиться, чтобы стрѣла попала прямо въ сердце.

Наконецъ, удобная минута найдена, стрѣла пущена, и ужаленный медвѣдь грозно рявкнулъ, схватилъ лапою древко стрѣлы и сломалъ его. Темная и затѣмъ алая кровь потекла изъ раны. Животное быстро теряло силы. Оно сдѣлало не болѣе двухъ сердитыхъ движений лапою, вырывая ею землю, какъ члены его стали тяжелыми, глаза невыразимо печальными, и затѣмъ опустилось на землю, тихо дыша и угасая. Глаза, полные глубокой грусти и укора, скользили по стоявшимъ зрителямъ направо и налево. Животное какъ бы желало вызвать чувство жалости отсутствиемъ злобы къ тѣмъ, которые, причинивъ ему столько страданій, были полны дѣтской вѣры, что доставили ему лишь одно пріятное.

Фуреністангі, все время агоніи медвѣдя глядѣвшій, какъ и вся публика, съ затаеннымъ дыханіемъ на умирающее животное, облегченно вздохнулъ и отдалъ ненужный уже лукъ.

Повезло стрѣлку. Свою важную миссію онъ выполнилъ, употребивъ лишь одну стрѣлу. Медвѣдь не мучился. Хозяева довольны. А, вѣдь, могла случиться неудача. Бываетъ, что нѣсколько немѣткіхъ выстрѣловъ ранять только животное; оно мечется со злости, но не умираетъ. Процессъ убіенія затягивается; хозяинъ сердится и беретъ отъ стрѣлявшаго даже штрафъ въ видѣ собаки, которую тогда тутъ же душатъ и посыпаютъ вдогонку ушедшему раздосадованному медвѣдю, съ цѣлью его умилостивить. (См. доп. № 25).

Грозное животное въ свои предсмертныя минуты перестало страшить айновъ; ремни, которыми оно было привязано къ столbamъ, отпустили. На дававшее слабые признаки жизни тѣло бросились три старика, которыхъ указалъ хозяинъ. Какъ разъ въ это время медвѣдь судорожно задрожалъ, и одинъ изъ участниковъ церемоніала отскочилъ при всеобщемъ смѣхѣ. „Испугался? кусается?!” — кричали съ разныхъ сторонъ. Старикъ, не обижаясь, вновь прилегъ на тѣло, которое дали все трое въ теченіе 3—4 минутъ.

У гыляковъ въ этотъ именно моментъ испусканія медвѣдемъ послѣднаго дыханія говорится единственное за весь праздникъ обращеніе къ медвѣду.

Лицо о. Сахалина, может быть, переняли у своих соседей этот обычай, не имѣющий здѣсь особенного значения, такъ какъ прощаніе производится раныне, притомъ съ большою торжественностью и со свойственнымъ айламъ краснорѣчіемъ.

Мертвому медвѣду вытянули задня ноги, подъ шею и нижнюю шеку подложили „інау“ и, спустя нѣсколько миинутъ, его перетаили близже къ украшенному забору и уложили на подостланныхъ еловыхъ вѣткахъ. Ремни, опоясывавшіе животъ медвѣда, были отвязаны, праздничный нарядный поясъ и паушкики—тоже.

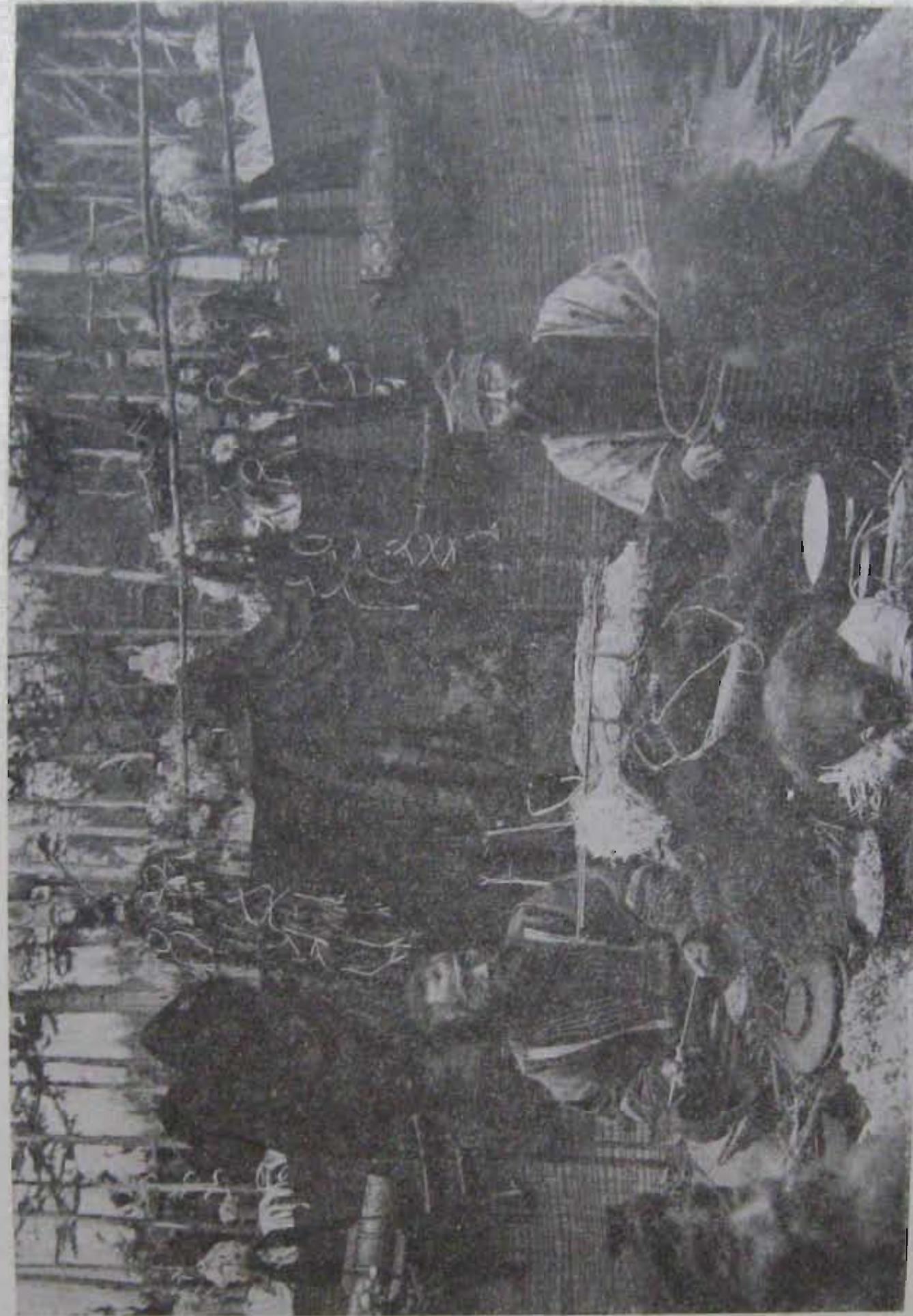

Рис. 9. С. Отасанъ. Медвѣдій праздникъ осенью. Пиръ послѣ убіенія медвѣда.

Морда медвѣдя была обращена на востокъ. На голову положили пучокъ съ чумяными „інау ру“; далѣе, на шею была лямка и привязанная къ ней носка со стѣстными припасами; въ постѣднюю воткнуты были двѣ стрѣлы. Понизже къ хвосту уложилъ саблю; по бокамъ прислонены были старые колчаны со стрѣлами. Задний проходъ, закупориваемый гильками, остался открытъ.

Впереди, передъ укращенною такимъ образомъ вытянутую тушечю, уставили въ лакированныхъ чашкахъ принесенные варенныи рисъ, клубни пѣкоторыхъ съѣдобныхъ растеній и „сакѣ“.

Направо, и нальво отъ медвѣдя разостлали цаповки, и гости стали усаживаться. Передъ каждою парою гостей, такъ же какъ и прежде въ юртѣ, ставили одинъ подносы съ одною чашею и одною палочкою для усова (рис. 9).

Степенно, безъ шума усаживаются всѣ, что постарше; молодежь или участвуетъ въ прислуживаніи или стоитъ поодаль.

Женщины не присутствовали при убіеніи медвѣдя. Онъ разошлись по домамъ, и оставались развѣ тѣ, что не успѣли раздѣлть своихъ дѣтей и повѣсить нарядныя платья на стѣнку съ лѣваго края.

Мнѣ объяснили, что для женщины нѣтъ запрета участвовать при описанной сценѣ. Но онъ сами не находятъ удовольствія глядѣть на стрѣльбу и мученія пользующагося ихъ симпатіей животнаго.

Хозяйки стали приносить приготовленные блюда, исключительно растительныя. Почти всѣ блюда состоять изъ клубней дикихъ травъ, залитыхъ перпичнымъ жиромъ. О блюда болѣе сложнаго приготовленія, съ примѣсью бѣлой глины, я уже говорилъ выше.

Чтобы подогрѣть сваренные нѣсколько дней тому назадъ блюда, разводятъ поодаль отъ стѣнки костеръ. Дровами для него служатъ бревна медвѣжьей клѣтки.

Какъ „сакѣ“, такъ и всѣ здѣсь розданныя блюда изъ лѣсныхъ продуктовъ считаются угощеніемъ со стороны медвѣдя.

— Нуза сакѣ ере-кане! (русскаго напойте „сакѣ“!)—кричитъ одинъ изъ старѣйшинъ, и меня подзываютъ, усаживаютъ передъ медвѣдемъ и даютъ чашу, говоря, что это „іѣо оровѣ паке“—угощеніе со стороны медвѣдя.

Сидѣвшимъ у забора и вяло бесѣдовавшимъ или даже молчавшимъ мужчинамъ стали разносить подогрѣтыя яства,—каждому въ деревянной мисочкѣ. Гости не їдятъ; они подзываютъ къ себѣ стоящихъ въ кучкѣ дѣтей и передаютъ имъ мисочки съ їдой. Опорожненная посуда относится къ костру; здѣсь женщины накладываютъ другое блюдо, которое опять разносится взрослымъ, и т. д. Происходить бѣготня; всѣ двигаются быстро, сталкиваются, хохочутъ. Дѣти довольны; сладкіе корни не такъ часто попадаются на столъ въ обычной жизни.

Вниманіе старшихъ занято этою рѣзвою дѣтворою, которая тоже уже насытилась и стала бросать другъ другу ложки отъ каши, издавая веселые крики, если кто не успѣлъ поймать ложку, и она попадала въ лицо или на платье кому-нибудь изъ играющихъ. (См. допол. № 37).

Нѣсколько ребятъ отходя въ сторону и, набирая деревянною пластинкою-ложкою немного каши, бросаютъ ее то по направленію къ морю, то къ рѣчкѣ, лѣсу и горамъ и выкрикиваютъ имя соответствующаго бога, которому посылаютъ часть угощенія.

Молодежь, не участвовавшая въ этомъ, столпилась у высокаго столба. Стараются забросить на столъ снятый съ медвѣдя травяной поясъ такъ, чтобы онъ повисъ на вилобразной выемкѣ.

— Низко! Мимо!—раздаются крики при неудавшейся попыткѣ достигнуть цѣли.

Когда поясъ, наконецъ, повисъ на развилии, на столбъ стали взбираться подростки лѣтъ 14—16. Не такъ было легко влѣзть по гладко стесанному столбу, выемка котораго была на высотѣ $2\frac{1}{2}$ —3 сажень отъ земли. Удалось вскарабкаться туда молодому ловкачу, гордо поглядывавшему сверху внизъ на шумно выражавшихъ ему одобрение товарищѣ. Сидя тамъ на высотѣ, мальчикъ разрѣзълъ своимъ ножикомъ всѣ мѣшечки, привязанные къ поясу, вынималъ находившіеся въ нихъ клубни сараны и другихъ растеній, а также ягоды, частью угощался самъ, частью же великодушно бросалъ суетящейся внизу дѣтворѣ.

Ѣда уже окончилась. Усталые и сытые гости поразбрелись. Три-четыре хозяйки и дѣти унесли посуду и остатки яствъ домой, гдѣ предстояло угощеніе неприсутствовавшихъ здѣсь женщинъ.

Опустѣло вокругъ уложеннаго на землѣ медвѣдя. Возились тутъ лишь хозяева и ихъ зятевья. На праздникъ эти послѣдніе обязаны дѣятельно работать и помогать тестю.

Зятевья, т.-е. мужья дочерей и близкихъ родственницъ хозяина и его семьи, участвуютъ и въ расходахъ по устройству празднества. Для всѣхъ прочихъ это необязательно. Впрочемъ, женщины связанныя родствомъ съ домомъ, гдѣ происходитъ праздникъ, приносятъ съ собою небольшое количество кореньевъ и ягодъ.

Снимать шкуру съ медвѣдя должны люди чужіе, а члены семьи хозяина лишь слѣдить за правильностью и аккуратностью работы.

Все, что было одѣто на медвѣдя, было снято и бережно отложено въ сторону; затѣмъ медвѣдь былъ перевернутъ животомъ внизъ, и особыми ножами, находившимся въ висѣвшемъ на заборѣ старомъ закопѣломъ ящикѣ, стали снимать съ животнаго шкуру.

Молодой парень забылся и, вытащивъ свой ножъ изъ ноженъ, висѣвшихъ у пояса, только-что принялъся рѣзать кожу, какъ хозяинъ, браня его за нарушеніе обычая, отобралъ этотъ ножъ въ видѣ штрафа. Кромѣ ножа для мяса, былъ еще специальный ножъ, употребляемый для разрѣзанія кожи около половыхъ органовъ. Имъ же потомъ очищали отъ кожи голову.

Начали съ того, что разрѣзали кожу во всю длину живота отъ ключицы до самаго зада. Впрочемъ, посрединѣ этой линіи оставили цѣльною, неперерѣзанной небольшую полоску. Ее порвать надо пальцемъ, и называютъ это „numa туѣ“ (застежку порвать). Кому удастся это исполнить, тому повезетъ въ охотѣ на медвѣдя. Стала подходить, подпучивая другъ надъ другомъ, немногочисленная молодежь, назначенная помочь рѣзать тушу на части. Выступившій впередъ молодой человѣкъ, задѣвъ среднимъ пальцемъ „застежку“ и ударяя затѣмъ правою ладонью по верхней части живота, съ крикомъ „hu! huф!“ дернулся изо всей силы, но причинилъ лишь боль пальцу, который не сразу могъ расправить. Подходили и другие, но все безъ успѣха. Это

предвѣщало всѣмъ неудачникамъ, что весною не встрѣтить медвѣдя, который, видимо, не благоволить имъ. Стали пристанать къ молодому айну изъ Тараики, чтобы онъ попробовалъ свою силу и показать обычай сѣверянъ. Ребята принесли въ чашкѣ немнога сваренныхъ кореньевъ и поставили ее въ одной сажени отъ медвѣдя, а айнъ, дернувъ за „застежку“ и крикнувъ „гѣ ге!“, отскочилъ къ чашкѣ и вызвалъ общій смѣхъ, когда, вмѣсто чашки, схватилъ рукою за землю. Игра эта повторялась и иными желающими съ одинаковымъ успѣхомъ. Рѣшено было „застежку“ немного надрѣзать, такъ какъ нашли ее слишкомъ широкой. Наконецъ, кто-то разорвалъ ее при общихъ увѣреніяхъ, что въ ближайшемъ будущемъ онъ будетъ счастливымъ при охотѣ на медвѣдя.

Сниманіе шкуры не заняло много времени. Голова была оставлена при шкурѣ, а туловище было уже отдѣлено отъ шеи. Тогда принялись отдѣлять отъ мяса жиръ, который рѣзался на полоски въ ладонь шириной и укладывался въ приготовленное короткое корытце.

На медвѣдѣ оказался слой жира толщиною въ $2\frac{1}{2}$ вершка, что составляло особую гордость воспитателей медвѣдя.

Затѣмъ были отдѣлены ноги, а туши разрѣзана пополамъ, и началось добываніе внутренностей.

Отрѣзанъ былъ внутренній жиръ, затѣмъ вынуты пищеводъ, печень, желчь, легкія, сердце. Стрѣла, здѣсь найденная, была прибрана. Она могла пригодиться еще для другого случая. И чѣмъ дольше ею пользовались, тѣмъ больше она цѣнится. Желудокъ и кишкы были при помощи палки вывернуты и очищены отъ кала, а мелкія части уложены въ особое корыто. Въ посуду, изъ которой кормили медвѣдя, уложили внутренній жиръ, почки и полоски „карира кам“—брюшины. Вся туши разрѣзана на четыре части.

Когда работа, производившаяся подъ наблюденіемъ одного изъ хозяевъ, была закончена, приступили къ перенесенію мяса въ юрту. Ноги, туши, жиръ внесли черезъ двери, а шкуру съ головой и мелкія части, какъ печень, легкія, сердце и т. д., подали черезъ слуховое окно, что у задней стѣнки. Этимъ послѣднимъ путемъ были внесены въ жилище и тѣ блюда съ яствами, которыхъ стояли около медвѣжьей головы.

Со стѣнки у лобного мѣста уносили все, что было на ней повѣшено: сабли, колчаны, талисманы, платья и бусы, и все было размѣщено въ юртѣ такъ, какъ это было сдѣлано наканунѣ.

Шкура медвѣдя была уложена у задней стѣнки, причемъ голова обращена къ внутренней части жилья. Медвѣдь еще находился здѣсь и долженъ былъ участвовать въ общемъ пиршествѣ.

На шкуру была положена поша съ провизией, также сабля и колчанъ со стрѣлами. Кругомъ морды уставили яства и посуду съ „сакѣ“, а также положены были вынутые изъ ящика съ медвѣжьими вещами трубка, кисетъ съ табакомъ и камешекъ для угольковъ.

Хозяинъ усѣлся первымъ на полу передъ медвѣжьей головой и отпилъ „сакѣ“ изъ стоявшей тамъ посуды, а также покурилъ изъ медвѣжьей трубки. Это было угощеніе, которое онъ принялъ отъ медвѣдя. Сейчасъ же послѣ этой церемоніи хозяинъ велѣлъ молодежи и женщинамъ начать пляску, а самъ сталъ подзывать къ медвѣду—для полученія отъ послѣдняго „пакес“, „сакѣ“ и табаку—находившихся въ юртѣ стариковъ (см. доп. № 23) и молодыхъ (см. доп. № 19).

Одинъ изъ стариковъ былъ усаженъ у очага на цыновочкѣ и вновь прочелъ молитву передъ огнемъ, пока горѣло воткнутое въ середину очага малое „інау“.

Остатокъ отъ чаши „сакѣ“, которую онъ держалъ во время обращенія къ богинѣ огня, по положенію получила хозяйка дома.

Мужской кругъ пляшущихъ устроился теперь нальво отъ дверей. Прежнее мѣсто предполагали занять тѣ, коимъ поручена была варка медвѣжья мяса.

Я зашелъ въ нѣкоторыя юрты вмѣстѣ съ посланцами и видѣлъ повсюду переутомленіе и неохоту разставаться со спокойствіемъ и отдыхомъ. Нѣкоторыхъ приходилось будить дважды, трижды и напоминать имъ, что собраніе гостей ждетъ ихъ прихода.

Заспанныя блѣдныя лица болѣе слабыхъ показывали, что прошедшая ночь и волненія изнурили ихъ до крайности. Но были и такие, что сердились на медленные сборы и настаивали на томъ, чтобы скорѣе приступить къ пиршеству.

Теперь уже ничто не удерживало въ рамкахъ умѣренности, и питье предстояло неудержимое.

Прошло не болѣе часу, а уже всѣ поголовно были навеселѣ. Принуждали пить и женщинъ, въ особенности пляшущихъ; доставалось „сакѣ“ и дѣтямъ. Крикъ былъ невообразимый и совершенно заглушалъ горловые звуки плясуновъ.

У головы медвѣдя сидѣли чинно и спокойно два среднихъ лѣтъ айна. Они назначены были снимать кожу съ черепа,—поэтому должны были пить меньше, чтобы не испортить важной работы. Имъ разрешается наверстать послѣ ея окончанія.

Женщины въ этотъ день были угощены „сакѣ“ съ большею церемоніей. Ихъ усадили въ два ряда вдоль стѣнки, что у дверей, и поили женскимъ, слабымъ „сакѣ“. Хозяйки наливали имъ въ малыя красныя лакированныя чашки. Принимая ихъ, женщины склоняли головы, но никакихъ другихъ движений руками не дѣлали.

Пересадка гостей происходитъ такъ же часто, какъ и наканунѣ. Хозяинъ долженъ зорко глядѣть за тѣмъ, чтобы не доходило до крупныхъ недоразумѣній. При выпивкѣ, буйныхъ нарочно сажаютъ porousъ, помѣщаю межъ нихъ людей, обладающихъ спокойнымъ, уравновѣшеннымъ характеромъ. Но это не всегда помогаетъ. Буяны находятъ кого-либо изъ дальнихъ сосѣдей, которые отвѣчаютъ на ихъ задор-

ная рѣчи, и споръ готовъ. Водворяется гвалтъ, и смѣшио смотрѣть, какъ, поматывая головой и махая руками, бранятся двое, раздѣленные другъ отъ друга спокойными фигурами, сидящими съ понуро опущенными головами и ждущими окончанія словесной перепалки своихъ сосѣдей. Въ ссоры постороннихъ айны не любятъ вмѣшиваться, зная, что это опасно, что и самимъ можно быть легко въ нихъ впутанными.

Главною темою разговоровъ служить пока только что законченный процессъ выведенія и убиенія медвѣдя. Гости дѣлаютъ сравненіе съ прежними праздниками, вспоминаютъ прошлое. Въ одномъ концѣ говорятъ, что такъ легко убить медвѣдя удастся лишь тому, у кого въ рукахъ есть „камуј“—сверхъестественная сила. Въ другомъ углу примѣрами изъ опыта жизни нѣсколькихъ поколѣній доказываютъ справедливость предсказанія благополучія въ виду ясной, тихой погоды въ день выведенія медвѣдя.

Много вниманія обращаютъ на себя развѣшенныя сабли. Теперь— тотъ моментъ праздника, когда уже можетъ итти о нихъ рѣчь. Даются похвалы нѣкоторымъ новымъ саблямъ, впервые еще появившимся на праздникѣ. Онѣ недавно заказаны ихъ хозяевами въ Японіи и нарочно привезены сюда съ намѣреніемъ показать всѣмъ, что собственники ихъ—люди состоятельные, увеличивающіе достояніе своихъ предковъ.

Потихоньку кой-гдѣ дѣлаются попреки слишкомъ наглому молодому парню, самостоятельно привезшему саблю, хотя на праздникъ явились съ саблями и его родной дядя и другіе близкіе родные. Такое подчеркиваніе своего неблагопріобрѣтенаго богатства паходятъ неумѣстнымъ. Напротивъ, удивляются, какъ сильно опустился единственный оставшійся въ живыхъ потомокъ богатыхъ нѣкогда старшинъ, молодой аинъ, усаживаемый, несмотря на свои лѣта, на почетныя мѣста, который не привезъ отъ имени своего важнаго прежде рода ни одной сабли.

Одинъ изъ южанъ объясняетъ, что богатый иуважаемый аинъ Цібека, другъ Текунки, не прѣѣхалъ на праздникъ [только потому, чтобы не встрѣтиться съ Укохте, этимъ плугавымъ, но мнящимъ себя самымъ крупнымъ по значенію лицомъ своего племени. На одной изъ попоекъ, лѣтомъ, Укохте презрительно отозвался объ имѣющихихся у Цібеки сабляхъ, назвавъ ихъ щепками для вытирания нечистотъ, а хвалилъ свои. Обиженный Цібека до сихъ поръ не примирился и не ъездитъ туда, гдѣ могъ бы увидать оскорбившаго его Укохте, довольно близкаго ему родственника.

Въ прежнее время на медвѣжьихъ праздникахъ айны дѣлали форменные выставки своихъ сабель. Послѣ того какъ осмотрѣны были все сабли, бывалые, понимающіе въ нихъ толкъ люди устанавливали, кто можетъ быть призванъ главнымъ богачомъ, кто слѣдующимъ и т. д. Если кто-либо бывалъ очень заносчивъ, то такого старались проучить

и привозили на праздникъ много очень хорошихъ сабель, а затѣмъ начинали стыдить нахала, упрекать его, что онъ бахвалится больше, чѣмъ на то имѣть право. Часто это вызывало у пристыженаго еще большій задоръ; онъ приобрѣталь новые драгоцѣнности, ждалъ медвѣжьяго праздника у себя и, выкладывая всѣ свои сабли, показывалъ, что перешеголялъ на смѣхавшихся надъ нимъ.

Рассказалъ мнѣ объ этомъ одинъ старикъ, увѣрявшій также, что онъ раньше всегда могъ предсказать удачную встрѣчу съ медвѣдемъ, такъ какъ имѣлъ шумъ въ головѣ, а въ вискахъ и во лбу что-то двигалось. Айны, однако, не вѣрили ему, и сила эта у него исчезла.

Ко мнѣ подходить одинъ изъ видныхъ гостей съ сѣвера и просить написать свою фамилію на свѣже вырѣзанной деревянной палочкѣ, употребляемой для поддерживанія усовъ при питьѣ „сакѣ“. Онъ впервые еще на праздникѣ въ с. Отасанъ и въ память пріятной встрѣчи со сливками населенія Восточнаго берега просилъ отдѣльныхъ гостей вырѣзать на верхней сторонѣ палочки разныя зарубки. Палочку эту онъ повезетъ домой и при всякомъ у него собраніи людей и питьѣ „сакѣ“ будеть вспоминать веселые дни, проведенные тутъ вмѣстѣ.

Едва только я кончилъ бесѣду съ любезно поблагодарившимъ меня за подпись айномъ, какъ громкіе крики заглушили гулъ сотни другихъ голосовъ. Племянникъ Текунки, выпивъ лишнее, завелъссору со своими пріятелями-сѣверянами. Еле-еле удалось хозяину уладить непріятную для него исторію.

Ссоры, даже драки гостей никакъ не шокируютъ собранія. Это „сакѣ пурі“—обычай „сакѣ“, которое должно произвести оживленіе, веселіе, шумъ, остроту словъ и легкую возбудимость. Но хозяинъ долженъ умѣть оставаться безстрастнымъ и одинаково любезнымъ со всѣми.

Чтобы загладить вспышку племянника, Текунка сталъ громко подгонять танцововъ плясать веселѣе, а прислуживающую молодежь—быстро разливать гостямъ „сакѣ“.

Когда дошла очередь до женщинъ, то боявшіяся принужденія стали выбѣгать на дворъ. Нѣкоторые набирали въ ротъ, чтобы только отвязаться, и потомъ выходили въ сѣни и выплевывали. Впрочемъ, это продѣливали лишь дѣвицы, не любящія „сакѣ“ вообще и стыдившіяся показаться пьяными въ присутствіи мало знакомыхъ молодыхъ людей. Они, вѣдь, живо осудять и разнесутъ дурную славу по всему острову.

Меня удивило, что женщины не участвуютъ въ разливаніи „сакѣ“, какъ это сохранилось до сихъ поръ на о. Хоккайдо. Мнѣ возразили, что на Сахалинѣ всегда „сакѣ“ было мало, имъ дорожили и потому должны были лишить женщинъ права быть виночерпіями. Онѣ плохо соображали, сколько кому можно и слѣдуетъ налить, не умѣли скрыть некоторое количество напитка напотомъ, на похмелье. Впрочемъ, пол-

наго запрета и быть и попынъ, а въ иѣкоторыхъ семьяхъ держится старый обычай айновъ, что женщины готовятъ и разливаютъ „сакѣ“; при этомъ онъ обвязываютъ себѣ голову скрученнымъ платкомъ, какъ это носятъ женщины съ о. Хоккайдо.

Дѣвушки и нестарая еще женщины то и дѣло входять и выходять на улицу по двѣ, по три. Сего дняшній день, когда у всѣхъ мужчинъ помутилось въ головѣ, опасно появляться одной на мало посѣщаемой улицѣ. Легко можетъ случиться, что какой-либо подушечный гость подстережетъ проходящую и, не стѣсняясь присутствиемъ дѣтей, если только они приходятся ему родственниками, утащить въ кусты. Чтобы обезопасить себя отъ насилия, иѣкоторая болѣе красивыя дѣвушки имѣютъ еще пѣчто въ родѣ тѣлохранителей изъ числа своихъ ближайшихъ кузеновъ. Они выходятъ за такими красавицами и слѣдуютъ за ними въ небольшомъ разстояніи, какъ тѣни.

Несмотря на это, ревнивые мужья и ухаживатели не вполнѣ спокойно переносятъ болѣе или менѣе продолжительное отсутствіе своихъ женъ или любовницъ.

Ни одинъ праздникъ не обходится безъ того, чтобы не возникло такъ называемое „мат-оруспе“, т.-е. дѣло о женщинахъ.

На почвѣ этой подозрительности и опасенія за нарушеніе супружеской вѣрности нерѣдко происходятъ скандалы. Свидѣтелемъ одного изъ нихъ довелось быть и мнѣ.

Въ юрту, полную веселившагося народа, вошла красивая, лѣтъ 30-ти, женщина и скромно усѣлась у очага. Находившейся въ кругу пляшущихъ подвыпившій мужъ ея, Оману, прерваль пѣніе и съ сердцемъ пробиралъ жену, которая куда-то исчезла часть тому, и онъ не могъ ее разыскать, послая за ней то одного, то другого изъ дѣтей. Одинъ изъ родственниковъ жены, съверянинъ Вариранъ, желая выручить ее изъ неловкаго положенія, сталъ совѣтовать мужу прекратить домашнія сцены и отложить бесѣду съ женой, такъ какъ теперь на праздникъ, въ присутствіи почетныхъ гостей, не время для расчетовъ съ женою.

— Если такъ ужъ жалѣете свою родственницу, то можете ее взять съ собою!—закричалъ еще болѣе раздосадованный мужъ.

— Взять-то возьмемъ,—вступилъ тогда родной братъ женщины,— но не одну, а вмѣстѣ со всѣми ея дѣтьми.

При разводахъ чаще всего дѣти—по крайней мѣрѣ, мальчики—остаются при отцѣ, но если послѣдній кругомъ виноватъ въ неумѣніи жить совмѣстно, то ему вовсе не даютъ дѣтей.

— Тур оман, тур оман! (возьми, уведи!)—оралъ дальше Оману.

— Уведемъ, да, но будетъ ли тогда хорошо?—опять уже зло возразилъ съверянинъ.

— Кусб! сїруміссані утара! (вонючки, нищіе!)—закричалъ на всю юрту забѣшенный Оману.

Оскорблениe было панесено чеreачуръ обидное. Заволновались съверяне. Поднялся гвалтъ. Задѣтый за живое, Вариранъ вскочилъ съ мѣста и уже готовъ былъ вступить въ рукопашную со своимъ оскорбителемъ, но Текунка и другой стариkъ удержали, посадили Варирана около себя, стали ласково уговаривать, дали пить „сакѣ“ и извинились за допущенное въ ихъ домъ неприличie по отношению къ уважаемому и милому для нихъ человѣку.

Одновременно съ этимъ старый Сирекуа подскочилъ къ Оману и, схвативъ его за волосы, вытащилъ изъ круга пляшущихъ. Приказавъ затѣмъ глядѣть на сабли, которыхъ привезли съ собою на праздникъ Вариранъ и другie съверяне, спросилъ, есть ли такія у Оману и его родныхъ.

— Покажи, если у тебя есть лучшія, и тогда только говори подобные слова!

Большинство публики было на сторонѣ съверянъ, несправедливо задѣтыхъ.

— Асінке-jan, асінке-jan! (выведите, уберите!) — кричали съ разныхъ сторонъ. И задорного Оману выбросили прочь изъ юрты.

Успокоенный нѣсколько Вариранъ заявилъ тогда всѣмъ присутствовавшимъ:

— Я и молодъ и живу еще плохо; привезъ сейчасъ лишь двѣ сабли: одну—полученную отъ своихъ дѣдовъ, другую—пріобрѣтенную мною самимъ въ удачный на соболя годъ. Зимою же я вернусь еще разъ сюда и привезу своихъ богатствъ больше; пусть тогда и Оману выложитъ свое. Если у него будетъ больше, я не посмѣю требовать отъ него штрафа за оскорблениe.

— Да, вѣрно, хорошо! — кричали гости.—Пусть они покажутъ, что имѣютъ.

Оману уже не возвращался, но братъ его и дядя, все люди бѣдные, сидѣли понутивъ голову и молча выслушивали этотъ вызовъ.

Происшедший инцидентъ на этомъ не кончился, и Вариранъ получилъ потомъ возмездie въ видѣ собаки и „сехна“ (чашка меча), но на праздникъ грѣхъ разбирать какія бы то ни было дѣла, и все старались забыть теперь то, что видѣли и слышали, и не нарушать правильного теченія пира.

Атмосфера становится жаркою. Малѣйшая неосторожность въ выраженіи доводить до перепалокъ и недоразумѣній.

Даже обычные при выпивкѣ „сакѣ“ споры о мѣсяцахъ, которые разно считаютъ не только съверяне и южане, но въ чемъ нѣтъ согласія подчасъ и между сосѣдями, и тѣ доводятъ до острыхъ и словесныхъ перепалокъ.

Женщины хотя и есть подвыпившія, но держать себя спокойно и только съ болѣшимъ рвениемъ пляшутъ, издавая болѣе рѣзкие звуки

и прыгая съ какимъ-то остервенѣніемъ. Сегодня онъ безусловно перещеголяли мужчинъ, которымъ не хватаетъ вчерашней энергіи.

Какой-то айнъ спрыгиваетъ съ наръ, наставляетъ ухо по направлению къ дымовому отверстию и кричить всѣмъ: „слушайте, слушайте!“ Всѣ удивлены; смолкаютъ пѣсни, крикъ и говорь, насторожено внимание,—и тогда шутникъ хохоча возвращается на мѣсто. Онъ радъ, что ему такъ легко удалось обмануть все собраніе.

Я подсѣлъ къ старикамъ и сталъ прислушиваться къ ихъ оживленной, но мирной бесѣдѣ. Здѣсь шелъ торгъ. Подвыпившіе айны питаются страстью къ обмѣну вещами или собаками. Одинъ изъ отасанскихъ стариковъ, держа у себя на колѣняхъ своего маленькаго внука, громко доказывалъ преимущества своей собаки, которую предлагалъ за одну понравившуюся ему чашку меча отъ сабли, привезенной сюда его теперешнимъ сосѣдомъ по питью „сакѣ“. Рѣшаютъ, въ концѣ концовъ, пойти осмотрѣть собаку, и выходятъ не только двое участвующихъ въ торгѣ, но и нѣсколько лицъ, имъ заинтересовавшихся и желавшихъ немного провѣтритъся. Я отправился вмѣстѣ съ ними.

На улицѣ было ясно; солнце клонилось къ закату. Полупьяные мальчики, съ визгомъ гоняясь одинъ за другимъ, добѣгали до берега тихо плещущаго моря. Дѣвочки — большою частью съ привязанными малютками на плечахъ — играли, спокойно роясь въ сыпучемъ песку берега...

Сегодня уже ничего болѣе новаго не предстояло на праздникѣ. Угощеніе должно было закончиться рано. Всѣ гости были утомлены предыдущею безсонною ночью, а многіе уже болѣе не могли пить. Пляска прекратилась сейчасъ послѣ заката солнца. Скоро по всему селу раздался невообразимый лай привязанныхъ собакъ, которые жадно рвались при приближеніи хозяевъ, выносившихъ имъ изъ амбаровъ кормъ — сухія кости рыбы горбуши.

Уже темнѣло, когда я вышелъ на улицу. Около каждого дома стояла группа людей, продолжавшихъ возбужденно бесѣдоватъ. Собирались по тѣмъ юртамъ, где каждый имѣлъ ночлегъ. Здѣсь готовили ночующимъ ужинъ, который еще не былъ сваренъ. Около трехъ-четырехъ юртъшли переговоры о томъ, чтобы къ ужину купить гдѣ-либо „сакѣ“. Молодые парни и подростки бѣгали посланцами къ домохозяевамъ, у которыхъ предполагался русскій спиртъ или японское „сакѣ“, и докладывали затѣмъ о цѣнѣ. Сѣверяне были нѣсколько смущены такимъ обычаемъ, совершенно недавно введеннымъ на югъ подъ вліяніемъ русскихъ и въ особенности японцевъ, у которыхъ покупка гостями выпивки практикуется на всякихъ пирушкахъ. Когда выяснилось, что хозяева не будутъ въ претензіи, такъ какъ они со своей стороны сдѣлали все возможное, и никто не могъ пожаловаться на ихъ скучность и нежеланіе вполнѣ угодить своимъ гостямъ, то сѣверяне

должны были принять участие въ покупкѣ „сакѣ“. Иначе они показались бы въ глазахъ южанъ людьми бѣдными и неумѣющими веселиться. Надо было поддержать традиціонную славу сѣверянъ и показать, что богатство не перевелось среди незнавшихъ обязательныхъ на японцевъ работъ. Задѣтые за слабое мѣсто старики и старосты изъ далекихъ селеній соглашаются принять угощеніе, съ тѣмъ чтобы слѣдующій чередъ постановки „сакѣ“ или спирту быть съ ихъ стороны. Переговоры, перешептыванія, суетливая болотня и споры закончены. Однѣ за другими скрываются въ сѣняхъ юрты фигуры, сгибающейся при входѣ въ низкія двери. Дѣти, набѣгавши за весь день и нагулявъ хорошие аппетиты, уже раньше, въ ожиданіи ъды пособирались по освѣщеннымъ яркимъ пламенемъ очаговъ юртамъ.

Дверь въ юртѣ хлопнула, и торопливыми нервными шагами вышла изъ сѣней молодая девушка съ берестянымъ ведеркомъ въ рукахъ. Отойдя нѣсколько отъ дома, она останавливается, осматривается кругомъ и почти болгомъ направляется къ амбару. Изъ-за кустовъ бузины высакиваетъ силуэтъ и тотчасъ же исчезаетъ, а съ нимъ скрывается и гибкая фигура девушки.

Изъ каждой юрты выбѣгали женскія фигуры къ поджидавшимъ ихъ въ условленныхъ мѣстахъ любовникамъ. Послѣдніе предпочитали сѣсть холодный ужинъ или остаться безъ него, чѣмъ пропустить возможность тайного ночного свиданья.

Въ другихъ мѣстахъ происходили сцены другого рода. У одной соседней юрты двое мужчинъ, перебрашиваясь, стояли другъ противъ друга, окруженные десяткомъ разнимавшихъ ихъ людей. Я не успѣлъ еще узнать причину ссоры и произошедшей уже драки, какъ со стороны моря стали доноситься отчаянные крики. Съ частью собравшихся я направился туда на берегъ и увидѣлъ, какъ молодого безусаго айна, всего мокраго, тащили въ сторону жилыхъ построекъ.

— Напился русской водки и теперь сходить съ ума. Вздумалъ топиться въ морѣ. Насилу успѣли спасти,— объяснили намъ пришедшіе раньше.

Когда мы возвращались уже по домамъ, стоя на площадкѣ амбара, злобно оралъ широкоплечій хозяинъ дома, гдѣ происходилъ праздникъ, желая, чтобы его услышалъ жившій въ его домѣ родственникъ. Послѣдній, при вечерней выпивкѣ, укорилъ перваговъ скучности и намекнулъ, что можетъ до нѣкоторой степени распоряжаться „сакѣ“, такъ какъ заработалъ въ рыбный сезонъ пѣлый кулекъ рису. Хозяинъ, уже сильно пьяный, побѣжалъ въ амбаръ и выбрасывалъ теперь этотъ рисъ, крича, чтобы его кузенъ взялъ кулекъ и съ нимъ убирался прочь.

Солидные скромные люди теряли, подъ вліяніемъ паровъ алкоголя, свое спокойствие и уравновѣшенность, и всякой пустякѣ лишать ихъ самообладанія.

Утромъ слѣдующаго дня, назначенаго для угощенія медвѣжьимъ мясомъ, всѣ повставали поздно. Гости бродили вдоль домовъ и по морскому берегу. Дѣти, успѣвшія уже одѣться, бѣгали по береговой полосѣ, только-что бывшей подъ водою, и собирали раковины, выброшенныя начинавшимъ волноваться моремъ. Пустыя выбрасывались прочь на песокъ, а раковины съ живыми моллюсками собирались въ подолы халатовъ. Рѣдко встрѣчающіеся на восточномъ берегу листья морской капусты нанизывались на тонкія падочки и важно, въ видѣ хоругвей, относились по домамъ, какъ лучшій трофей удачной охоты.

— Щаца утара нїна-хці! (старики рубятъ дрова)—воскликнули сопровождавшіе меня до прибрежной рощи подростки.

Дѣйствительно, мы увидали нѣсколькихъ стариковъ, важно собиравшихъ сухіе сучья и отрубавшихъ отъ пней и валежинъ щепки. Старикамъ не подобаетъ такая дѣтская или женская работа, но мнѣ объяснили, что дѣлалось это шутки ради. Утромъ у айновъ не даютъ „сакѣ“,—въ особенности, когда гостей такъ много и такъ долго сидятъ они на одномъ мѣстѣ. На настойчивыя просьбы старшинъ Текунка отвѣчаетъ шутя, что можетъ дать лишь работающимъ. И вотъ старики весело пошли съ топорами и ремнями въ ближайшій лѣсокъ, чтобы доказать свое участіе въ многочисленныхъ домашнихъ хлопотахъ. Хохотомъ встрѣчали другъ друга старики,бросавшіе свои вязанки въ юртѣ у самаго входа. „Дѣтскія дрова!“ „Женщина за тебя рубила!“—слышны были веселые возгласы. Всльдъ за этимъ старики усѣлись и, дѣтски довольные, получили небольшую дозу „сакѣ“, которое ихъ пріобрѣло и позволило легче поджидать начала главной праздничной трапезы.

Къ варкѣ медвѣжьяго мяса приступлено было еще со вчерашняго дня. Огонь былъ разведенъ дровами, нарубленными изъ бревенъ медвѣжьей клѣтки. Сегодня кончалась варка, и мясо, порѣзанное на куски, укладывалось на еловыхъ вѣткахъ у задней стѣны. Сзади дома, недалеко отъ медвѣжьей клѣтки, былъ разведенъ пѣтъ такихъ же дровъ костеръ, и на немъ жарилось сердце, легкія, печень и мускулы переднихъ ногъ. Подавались эти части и возвращались обратно изжаренными черезъ слуховое окно.

Тѣ части медвѣжьей туши, которыхъ женщинамъ есть пельзя, имъ не позволяетъ жарить и варить *).

Допустимо, однако, участіе женщины въ варкѣ незапрещеннаго для нихъ мяса, но на этотъ разъ было достаточно мужчинъ, и они одни управлялись. Женщинамъ было вдоволь другой работы.

Одна задняя нога и полоса грудинки оставлены сырыми. Ихъ

* *) Кромѣ указанныхъ выше частей, еще мозгъ, всѣ шейные позвонки и мясо съ головы (см. доп. № 41).

спрячуть въ амбаръ и потребять въ другой разъ, зимою, когда прѣдуть тѣ друзья Текунки, которые, по разнымъ причинамъ, не могли попасть на теперешнее торжество. Сваренный хвостъ лежитъ на подносе около головы, которую старательно отдѣляли отъ кожи двое айновъ, сидѣвшихъ все время по бокамъ украшенной медвѣжьей шкуры. Отрѣзанныя уши и узкая полоска кожи около рта висятъ уже на стѣнкѣ.

Какъ только отдѣлена была нижняя челюсть, то продолжавшуюся съ утра и въ этотъ день пляску прекратили,—къ великому, по всей вѣроятности, удовольствію усталыхъ танцоровъ. Съ этого времени и медвѣдь, все еще присутствовавшій въ юртѣ, не могъ будто бы издавать голоса. Небольшимъ, специально для медвѣжьяго праздника назначеннымъ топорикомъ, которымъ разрубались при варкѣ всѣ кости, разбили и черепъ съ лѣвой стороны, такъ какъ медвѣдь былъ самецъ. Если бы это была самка, то отверстіе слѣдовало бы сдѣлать съ правой стороны черепа. Мозга медвѣдя южане не ъдятъ, но такъ какъ сѣверяне не брезгаютъ имъ, то была приготовлена для нихъ специальная чаша, въ которую влили жидкій мозгъ, посыпавъ его солью и заливъ „сакѣ“ (см. доп. №№ 19 и 20). Кожа съ черепа была снята и имѣла видъ небольшого кружка (см. доп. № 10). Обрѣзаны были также и окочности лапъ съ когтями, и для европейца шкура потеряла теперь много въ цѣнѣ. Ни одинъ туземецъ на Сахалинѣ не продастъ цѣльной шкуры медвѣдя, и желающіе имѣть такую покупаютъ обыкновенно у русскихъ охотниковъ (см. доп. № 35).

Когда кончили варить мясо, отрѣзанное отъ нижней челюсти, то Текунка распорядился о созывѣ всѣхъ на обѣдъ.

Молодые парни разошлись по юртамъ и, входя, присѣдали на корточки. Сдѣлавъ краткое привѣтствіе, они передавали, что посланы просить пожаловать на трапезу. Всѣхъ молодыхъ и дѣтей скликали безъ всякаго церемоніала.

Сборы затягивались, и понѣсколько разъ посыдали за нѣкоторыми важными персонами, безъ коихъ нельзя было начинать даже усадку гостей.

Въ юртѣ такъ тѣсно, что, казалось бы, негдѣ булавкѣ упасть, по все еще продолжаютъ входить и гдѣ-то находять себѣ мѣсто, на которое усаживаются тихо и скромно. Опять у всѣхъ спокойный торжественный видъ. Нѣть споровъ,—даже разговоры ведутся вполноголоса только между сосѣдями.

Текунка встаетъ и, озирая всѣхъ гостей, выкликаетъ имена тѣхъ, кого сажаетъ на почетныхъ мѣстахъ. Снова занять весь полъ важно усѣвшимися черноволосыми гостями.

Если входилъ кто-либо позже, то молодые хозяева докладывали Текункѣ громко: „ѣуј сїне ајну агун“ (еще одинъ человѣкъ зашелъ), и тотъ взвѣшивалъ, куда посадить пришедшаго. Ему указывали мѣ-

сто, прося остальныхъ немногого раздвинуться, или же сажали на мѣсто, занятое какимъ-либо гостемъ помоложе и хорошо знакомымъ, и по-слѣднему приходилось удалиться куда-либо подальше къ лѣвымъ нарамъ.

Пока гости размѣщались, молодежь изъ числа хозяевъ разставляла на небольшомъ, оставленномъ вдоль задней стѣнки пространствъ специально употребляемая для медвѣжьяго мяса тарелки—четырехугольные подносы съ краями, обшитыми планками, очень похожие на крышки ящиковъ. На каждую тарелку, почернѣвшую отъ дыма и жира, клали кусокъ съ костью, одно ребро, нѣсколько мелко порѣзанныхъ кусковъ мягкаго мяса и немного жири. Все это называлось специально приготовленными палочками, имѣвшими видъ копья или сабли.

Текунка, разсадивъ всѣхъ, самъ усѣлся на нарахъ съ самаго краю въ женскомъ углу и началъ дѣлать распоряженія молодымъ. Прежде всего онъ распорядился отобрать нѣсколько хорошихъ кусковъ съ костями и послать отсутствовавшимъ на праздникъ дряхлымъ, ноуважаемымъ старикамъ изъ ближайшихъ селеній. Затѣмъ первый подносъ получилъ самъ Текунка съ костью „канту“.

Сидѣвшій рядомъ съ нимъ старикъ получилъ кости по обѣ стороны локтя, другой—кости по обѣ стороны плеча. Тарайкинскому старику, какъ самому почетному гостю, была дана лѣвая лопатка. Затѣмъ подали подносъ съ бедренной костью, съ колѣнною и т. д., т.-е. разданы были кости, мясо около которыхъ считалось самымъ вкуснымъ. Послѣ того какъ прислуживавшіе подали по указанію хозяина ту или иную тарелку, одинъ изъ нихъ спрашивалъ громко „тута́но“ или „орова“ („слѣдующему?“ или „затѣмъ?“), давая знать, что кость найдена и передана. Текунка задумывался, поглядывалъ на очередного гостя и продолжалъ распоряжаться. Когда всѣ крупныя кости были распределены, то остальнымъ гостямъ дали уже накороть тарелки съ мясомъ почти исключительно безъ костей. Каждый, принимавший подносъ, приподнималъ его немного вверхъ въ знакъ благодарности и ставилъ себѣ у колѣнъ на нарахъ или на полу. Когда Текунка пересталъ вмѣшиваться въ дальнѣйшую раздачу мяса, то всѣ уже получившіе его сдѣлали привѣтствіе (потерли ладонями и погладили бороды) и приступили къ ъдѣ. Вынувъ свои ножи изъ-за пояса, всѣ стали старательно обрѣзывать мясо отъ кости. Руки у стариковъ тряслись, работа шла съ трудомъ, и они стали подзывать къ себѣ мальчиковъ, своихъ сыновей или близкихъ родственниковъ, и тѣ протискивались, усаживались рядомъ и, очищая кости, усердно закладывали себѣ за обѣ щеки лакомое блюдо. Тѣ, что не доѣли мяса (а не могли этого исполнить всѣ старѣйшины, которымъ съ расчетомъ были даны большія доли), называли его на заостренныя палочки и затѣмъ заворачивали въ рогожки или поручали женщинамъ воткнуть гдѣ-либо въ щель въ

бревенчатой стѣнкѣ. Только по окончаніи праздника можно выносить изъ юрты мясо, которое разсчитывали отнести въ видѣ подарка членамъ семьи, оставшимся дома.

Подносы съ голыми костями стали убирать, чтобы теперь раздать всѣмъ гостямъ-мужчинамъ понемногу жареныхъ и порѣзанныхъ на небольшие куски „запретныхъ“ частей. (См. доп. №№ 21 и 22).

Двоимъ было поручено очистить отъ мяса нижнюю челюсть, и каждый изъ нихъ, возвращая подносъ съ костью, клалъ на него стрѣлу, назначенную въ подарокъ тому айну, который принесъ медвѣженка маленькимъ изъ лѣсу. Теперь этотъ молодой парень стоялъ въ группѣ молодыхъ хозяевъ, распредѣлявшихъ мясо, и слѣдилъ лишь за тѣмъ, чтобы всѣ кости собирались въ специально приготовленную рогожу и ни въ коемъ случаѣ не завалялись гдѣ-либо на полу. Гость, получившій подъязычную кость, долженъ былъ также положить на подносъ стрѣлу. Всѣ трое заняли стрѣлы у хозяина дома на время исполненія обряда, но потомъ сочли своею обязанностью прислать первому виновнику пиршества по одной собственной стрѣлѣ.

По окончаніи єды медвѣжьяго мяса, когда гости вытирали жирные пальцы и ножи поданными мягкими стружками, собранными затѣмъ и уложенными съ костями, поднялся споръ о томъ, что за симъ должно слѣдоватъ. Нѣкоторые требовали немедленнаго угощенія женщинъ оставленнымъ на ихъ долю мясомъ, другіе же стояли за иной порядокъ, требуя, чтобы подали мужчинамъ и „їкарібе“—растительныя блюда и затѣмъ уже принялись за угощеніе женщинъ. Большинству желательно было скорѣе освободиться.

Текунка приказалъ подавать „їкарібе“. Засуетились хозяйки и живо наполнили лакированныя чашки до краю разными кашами, которая уже подавались въ день убиенія медвѣдя. Неохотѣ до такихъ блюдъ мужчины находили, въ лицѣ мальчугановъ разныхъ возрастовъ, дѣятельныхъ помощниковъ, съ аппетитомъ доѣдавшихъ клубни сараны и т. п. Бойко шла передача тѣми же мальчиками полныхъ чашекъ гостямъ и пустыхъ хозяйствамъ, наполнявшимъ посуду все новыми деликатесами.

Дошла, наконецъ, очередь и до женщинъ. Старшая хозяйка,—но не жена Текунки, а его племянница, 40-лѣтняя женщина,—подавала своихъ гостей и усаживала ихъ въ два ряда другъ противъ друга во всю длину передней стѣны юрты. При распредѣленіи мѣстъ принималось также во вниманіе общественное положеніе каждой. Приглашенные первыми медлять изъ скромности, не желая выдѣлять себя изъ числа прочихъ и заставляютъ просить себя понѣсколько разъ.

Специальная части, которые остались для женщинъ, были слѣдующія (см. доп. № 41): хвостъ, безымянная кость (раздѣленная на три части) голени и предплечіе. Лучевая кость и малоберцовая, а также двѣ нижнія части безымянной были разданы болѣе знатнымъ жен-

шнамъ. Хвостъ должна была получить женщина, главнымъ обра-
зомъ, ухаживавшая за медвѣдемъ, по такъ какъ она не были еще
достаточно стара, то хвостъ былъ данъ старухѣ, ея теткѣ, которая
принесла подносы и поставила его на землю. Старики потребо-
вали исполненія обычая безъ всякихъ сокращеній, и старуха, сконфу-
женная, при общемъ смѣхѣ, потерла указательнымъ пальцемъ правой
руки о ладонь лѣвой и затѣмъ протищупала правую руку вверхъ,
скользя тѣмъ же пальцемъ по платью до локтя и по верхней губѣ,
начиня съ лѣваго края до праваго и внизъ до подбородка. Это—
жестъ, выражающій благодарность со стороны женщины, на о. Хок-
кайдо сохранившійся у айновъ во всѣхъ даже маловажныхъ слу-
чаяхъ, по па Сахалинѣ уже вышедшій совсѣмъ изъ употребленія.

Всѣорѣ угожденіе женщинѣ закончилось; онъ повѣствалъ и раз-
ошлись по домамъ, унося въ чашкахъ недовѣденныя каши.
Въ юртѣ стало уже темнѣть, такъ какъ лучи заходящаго солнца
не проникали болѣе透过ь дымовое отверстіе. Текунка стала торопить
съ отнесенiemъ головы и костей медвѣдя въ лѣсъ.

Гостей оставалось уже мало. Всѣ расправляли свои члены послѣ
продолгительного сидѣнія. Суетилась липъ молодежь, укладывая
медвѣжіи кости, собирая вѣтки елки, на которыхъ лежало медвѣжье
мясо, производя чистку котловъ, въ которыхъ, оно варилось, и под-
носи, на которыхъ поддавалось.

Часть занятыхъ этимъ дѣломъ вышла на дворъ и сзади дома
перенимала передаваемые черезъ оконшко предметы. Прежде всего
быть поданъ черепъ медвѣдя и вмѣстѣ съ нижнею челюстью на сажень
на тонкое и высокое вилобобразное „шапу“. Такъ какъ это была голова
самца, то палочку вѣсли черезъ лѣвое глазное отверстіе. Въ черешь
самки палочка вѣзвается черезъ правое глазное отверстіе. (См. доп.
№ 18). Черепъ былъ начиненъ клубнями растений; въ носъ было за-
ткнуто небольшое „інау“.

Передали также „сакѣ“ въ небольшой круглой посудѣ и двѣ чашки
съ палочками. Захватили рисъ, сарану и клубину Согудалиса, стоя-
вшіе все время на блюдахъ около шкуры медвѣдя. Изъ лямы быль
вынутъ пучокъ травы, вкладываемой въ обувь, и немногого табаку.
Двоимъ подали также ремень и топорь.

Тѣмъ временемъ туда же, къ задней части юрты, сходилось все
больше народа: старики и молодые, женщины и дѣти. Всѣ собирались,
чтобы простились въ послѣдний разъ съ отходящимъ домой мед-
вѣдемъ. Ни слезъ ни рѣчей уже не было; всѣ держали себя сдер-
жанно, спокойно. Хозяева провѣрили, все ли приготовлено, и про-
цессія медленно двинулась тропкою, ведущею въ лѣсъ. Впереди несли
голову, наложенную на „інау“ (см. доп. № 18), затѣмъ глаза медвѣда,
обернутые съ стружкой, уши, носъ и два поавонка, никакую губу, лапы и
пшеводъ, потому кости въ рогожѣ (см. доп. № 27), окровавленныя

еловья вѣтки и стружки; въ концѣ процесіи несли блюда и „сакѣ“, топоръ и ремень. Сзади нозвонили пти и мѣтъ, а ради меня двинулась кучка мальчиковъ, помогавшихъ мнѣ нести фотографической аппаратъ.

Все шествіе состояло изъ лицъ мужскаго пола. Женщины не имѣютъ права участвовать въ ритуальныхъ обрядахъ установки „інау“ въ дома.

Мышли хорошо утоптанной тропкою, видимо служившою уже не сколькоимъ поколѣніямъ. Густая тѣнь и прохлада увеличивались, по-

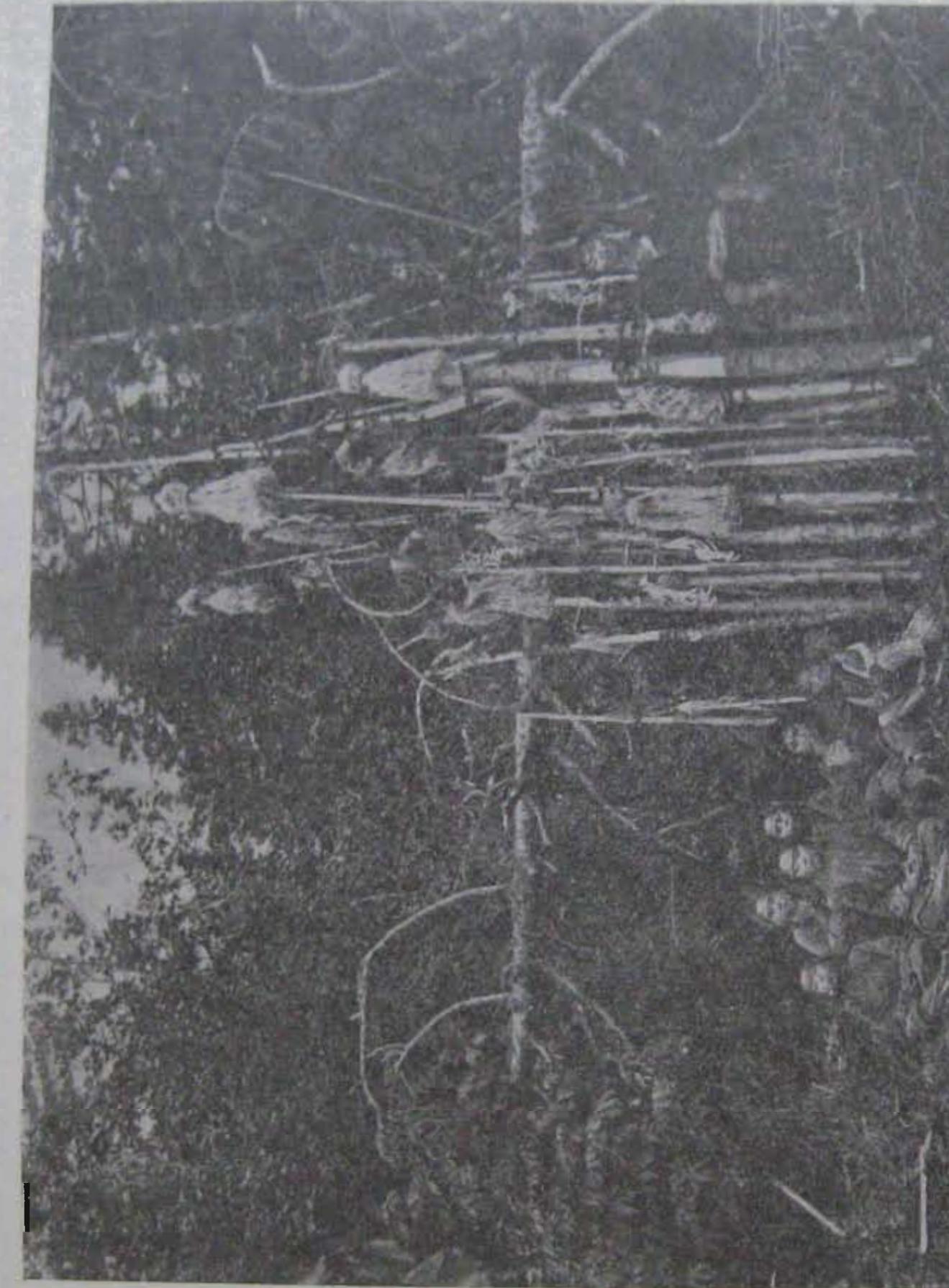

Рис. 10. С. Отасанъ. Осенний медвѣжий праздникъ. Мѣсто въ лѣсу, где складываются медвѣжьи kostи и на палки насыпаются медвѣжьи черепа. Здѣсь же устанавливаются інау въ честь бога горъ.

мѣрѣ того какъ мы углублялись въ чащу высокаго лиственчаго лѣса. Пройдя небольшую лужайку, гдѣ, несмотря на сухое время года, было довольно мокро и почва колыхалась при всякомъ напечь шагъ, мы стали немногого подыматься и подошли къ подножью горы. Кончилися лиственчай лѣсъ и начинился хвойный. Уже издали сквозь вѣтви деревьевъ, гидясь свѣтлыми струйками, выдѣлившимися на зеленомъ и сѣромъ фонѣ лѣса.

Сей часъ же затѣмъ все оставились передъ вбитыми въ землю высокими „інау“. Видно было, что ставились они въ разное время, десятками лѣтъ. Одни, уже стгнившія, лежали на землѣ; другія при-

стонились къ упавшей сзади гигантской шхтѣ, своими торчащими снизу и сверху вѣтками изображеній естественный заборъ. Нѣкоторая „нау“ стояли еще ровно, не успѣвъ состариться. Разницу въ возрастѣ этихъ жертвенныхъ приношеній можно было замѣтити, и по цвѣту красиво спускавшихся внизъ пучковъ спиралей—отъ темнобурыхъ до сѣтѣыхъ, почти бѣлыхъ (рис. 10).

Пришедшіе немедленно приступили къ привязыванію присесенныхъ медвѣжьихъ органовъ къ тонкому „нау“, вбитому рядомъ съ остальными въ землю. Кости и елки были брошены поодаль въ кучу, куда онѣ видимо клались уже неоднократно и раньше, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ образовалася небольшой бугорокъ.

Всѣ усыльни и должны были выпить „сакѣ“ и немногого покапать передъ поставленнымъ черепомъ.

Мальчики подѣли все сѣбѣстное, что было принесено ими съ собой, и кидали съ ложки въ разныя стороны рисъ и сарану, добавляя стереотипное „ециномі-ян“ (возьми, какъ жертву). Пустѣ примутъ участіе въ этой заключительной сцѣнѣ прішества и боги лѣса, рѣки, горъ, теперь несомнѣнно присматривающіеся къ опекаемымъ ими слабымъ существамъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло въ густой чащи дремучаго лѣса, когда вся наша компанія возвращалась прежнею тропкою домой.

Тихо было во всемъ селеніи. Предполагалось, что ночью медвѣдь будетъ въ дорогѣ, и потому не позволятъ производить шумъ,—въ особенности, въ юртѣ, гдѣ происходилъ пиръ. Такое же соблюденіе спокойствія требуется и на слѣдующій день, когда медвѣдь, наконецъ, досчитаетъ своего родного дома, разсказывается матери и отцу о приемѣ за все время совмѣстной жизни съ людьми и торжественныхъ проводахъ и передаетъ своему хозяину, богу высокихъ горъ (Метох каму) или Меготуспе) принесенные подарки: изображенія всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые были вывѣшены и выложены на праздникѣ. Богъ этого, грозный и мощный, имѣющій видъ человѣческій, очень любить и тѣ блюда, которыя ему посланы, и сабли, и шелковые платы, а въ особенности „нау“, приготовленныя для этого случая въ такомъ изобилии.

Все-таки еще неизвѣстно, какъ будутъ приняты подарки, и было бы дерзостью дожидаться этого момента беззечно, безъ внутренней тревоги и почтенія. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы обидѣть бога, который впредь перестанетъ послать людямъ имѣющіхся у него въ неисчислимомъ количествѣ косолапыхъ четвероногихъ.

Нѣкоторые гости уже поразѣзкались. Уѣхали всѣ прибывше изъ ближайшаго села Серароко, гдѣ надо было готовиться къ своему празднику.

Я зашелъ въ юрту вмѣстѣ со всѣми участниками посетившаго акта праздника. Одинъ изъ парней, шедшихъ съ нами, бросилъ съ плечъ къ очагу связку дровъ, которую оно привнесъ изъ лѣсу съ того

мѣста, гдѣ оставили медвѣжьи кости. Хозяйки тотчасъ стали подкладывать эти сухія вѣтки къ огню, яркимъ пламенемъ освѣщавшему всю внутренность жилья.

Немногочисленные гости тихо сидѣли полукругомъ у очага вплотную одинъ около другого. У нѣкоторыхъ на колѣняхъ засыпали чумазые круглолицые ребята. На всѣхъ лицахъ была замѣтна усталость и сосредоточенность. Изрѣдка молчаніе прерывалось негромко бесѣдою двухъ рядомъ сидѣвшихъ бородачей... Пріѣхавшіе изъ дальнихъ селеній взвѣшивали, скоро ли выпадетъ снѣгъ и удастся ли еще поспѣть на соболиную охоту.

Хозяйки стали раздавать сваренную черемшу (*Allium victoriale*), которую специально готовятъ въ дни принесенія богамъ жертвъ. Въ предыдущіе дни нельзя было добавлять къ ъдѣль черемшу.

Воткнутыхъ въ щели палочекъ съ кусочками мяса было замѣтно меньше. Прибѣгали мальчики изъ соѣдніхъ юртъ за кусками жира, также воткнутыми при раздачѣ (на домашнее лѣкарство) въ стѣнки и балки. (См. доп. № 17). Теперь уже разрѣшалось выносить мясо: предполагалось, что медвѣдь отсутствуетъ, и нѣть надобности держать въ юртѣ всѣ части его тѣла. Къ балкѣ надъ огнемъ былъ подвѣшенъ мѣшечекъ съ желчью, который, послѣ высушки, предполагали продать за нѣсколько рублей японцамъ (желчь употребляется въ японской медицинѣ въ видѣ лѣкарства).

На стѣнѣ еще висѣли сабли и колчаны, но ихъ стало значительно меньше, такъ какъ гости, которые порасходились, взяли свои драгоцѣнности съ собой.

Хозяйскія сабли должны оставаться вывѣшенными до дня, когда зимою будутъ сѣдены оставленные остатки медвѣжья мяса.

Малая ноша, называемая „іѣсъ сїке“, т.-е. ноша медвѣдя, висѣла на колышкѣ у задней стѣнки. Уложенныхъ тамъ кореньевъ женщинамъ єсть не полагается. (См. доп. № 13).

Послѣ ужина, впервые за все мое пребываніе, я услышалъ тихіе звуки желѣзного инструмента „муфкун“ (нѣчто въ родѣ украинской дrumли). Молодая дѣвушка, полулежа на нарахъ, держала инструментъ въ зубахъ и ударяла по тонкой и узкой пластинкѣ большими пальцемъ правой руки, издавая слабые, но ритмические металлические звуки. Мы объяснили, что нѣть запрета играть на праздникѣ, но, въ виду постояннаго гама, игра на тихихъ аинскихъ инструментахъ не представляла бы никакого удовольствія ни самому играющему ни слушающимъ.

Слѣдующій день отличался спокойствіемъ. Тишина во всемъ селеніи казалась особеною послѣ цѣлаго ряда шумныхъ, суетливыхъ дней. Улица уже не кипѣла взрослыми и дѣтьми. Большая партія мужчинъ, женщинъ и дѣтей съ утра отправилась въ Серароко. Текунка съ зятевьями приводилъ юрту въ порядокъ, и человѣкъ пять возились съ медвѣжьей шкурой.

Ее папьти на продолговатую деревянную раму, состоявшую из трех линий и четырех нонеречных коротких пилотовых и сло-вых палокъ. По краямъ дѣлали сквозные падрѣзы и за эти отвер-стия привязывали веревками изъ травяной соломы къ одной изъ палокъ рамы. Въ отверстія ушей и заднаго прохода были вѣты за-сруженыя палочки. Растанутая шкура была затѣмъ подвѣшена на высокомъ шестѣ сзади дома и тамъ должна была висѣть, пока не высохнетъ. Тогда только можно уже шкуру унести изъ селенія и про-датъ (см. доп. № 10, 14 и 15), но предварительно въ юртѣ хозяина сѣдовало убрагъ съ очага весь старый пепель и слежавшуюся, смытавшуюся съ землей золу и присти свѣжаго песку, т.-е. обпо-вить очагъ.

До тѣхъ поръ жизнь въ домѣ должна вестись сдержанно; какія-либо нарушенія обычаевъ по отношению къ очагу или къ „інау“ мо-гутъ вызвать гнѣвъ божовъ и разныя несчастія...

Вмѣстѣ съ запинтересоваными ребятами и внимательно притя-дывался къ процессу патягивания кожи и къ укладкѣ лакированной посуды въ „ситого“. Ни чашекъ ни подносовъ для мяса медвѣдя нельзя мыть водой, и они лишь вытирались мягкими деревянными стружками.

Все, что лежало около шкуры—Медвѣдѣ паушки, „ішай-ру“ и трубка, кисетъ и каменная пепельница, небольшія изображения мед-вѣдя, которыхъ дѣлаются изъ небольшихъ кусковъ дерева послѣ вся-каго убіенія медвѣдя,—все это было сложено въ небольшіе продолгова-тые законопѣльные ящики. Одинъ ящикъ былъ повѣшенъ у „інау“, что сзади дома, около которыхъ супилась распаяленная шкура. Ремни, еще оста-вавшіеся въ юртѣ, были унесены въ амбаръ, и скоро она пришла обыч-ный видъ. Красовалась лишь на стѣнкахъ новая узорчатая цыновки и развязанные на нихъ хозяйскіе сабли и колчаны.

Въ полдень я распрощался съ остававшимся еще въ Отасанѣ айнами и поѣхалъ обратно съ Уссайро, рвавшимся скорѣе домой и затѣмъ на охоту.

По дорогѣ мы должны были останавливаться въ двухъ неболь-шихъ айнскихъ стойбищахъ. Встрѣчавшіе насъ два старца и нѣсколько женщницъ разспрашивали о подробностяхъ праздника; но самыі глав-ній интересъ представлялъ для нихъ вопросъ, кто схватилъ медвѣдя, кто убилъ его и кто сказалъ ему пропацальную рѣчь.

Въ бѣсѣдѣ съ глубокимъ старикомъ, хозяиномъ юрты, где мы чаевали по дорогѣ, я выразилъ удивленіе, что никто не бытъ рапенъ, несмотря на продолжительную возню съ медвѣдемъ. Старикъ отвѣтилъ мнѣ, что медвѣдькусается, рветъ и тѣсть человѣческое мясо лишь въ томъ случаѣ, если надѣ нимъ издѣвкаются и поносятъ его бран-ними словами (см. доп. № 16, 28, 29 и 35).

Впослѣдствіи мнѣ довелось быть на пяти другихъ праздніяхъ, къ сожалѣнію, все въ томъ же Отасанѣ и сосѣднихъ съ нимъ селеніяхъ (Такое, Серароко). Всѣ обряды ритуала были одни и тѣ же. Отмѣчу слѣдующія особенности.

Въ одномъ селеніи (Серароко) было два медвѣдя, назначеныхъ къ убіенію. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно праздникъ устраивается одновременно. Пляска и угощеніе происходятъ поперемѣнно то въ одной, то въ другой юртѣ. Но выводятъ медвѣдя впередъ изъ того дома, хозяинъ котораго старше годами. Въ годъ моего посѣщенія празднества устроены были порознь. Раньше вывели и убили медвѣдя изъ небольшой юрты менѣе богатаго хозяина. Руководились въ этомъ случаѣ тѣмъ соображеніемъ, что у послѣдняго за годъ передъ тѣмъ умеръ старикъ-отецъ, при жизни котораго медвѣженокъ былъ посанженъ въ клѣтку.

Когда у одного айна вывели двухъ медвѣдей сразу, то раньше убили медвѣдицу, а потомъ самца. Тотъ же порядокъ соблюдался и при варкѣ мяса, тѣльца его и отнесеніи головы и костей въ лѣсъ.

Однажды была задушена собака при отправленіи въ другой міръ двухъ медвѣдей. Собаку задушили послѣ убіенія медвѣдей. Но затѣмъ имѣла первенство собака: съ нея и шкуру снимали раньше, и съѣдали ее первую.

Два раза былъ я свидѣтелемъ, когда такъ называемое „јорітаку“ (прощальное слово) было произносимо пожилыми людьми въ первый разъ въ ихъ жизни. Тогда эту роль ораторовъ отъ имени всего собранія исполняли они съ большей торжественностью, а именно съ саблею, повѣшенной черезъ плечо. Однажды, прощавшися съ медвѣдемъ хозяинъ его, во время рѣчи, держалъ на спинѣ своего малаго внука, отецъ котораго недавно передъ тѣмъ утонулъ.

Представляя болѣе компетентнымъ людямъ заняться истолкованіемъ давно уже интересующаго этнографовъ и различно ими объясняемаго медвѣжьяго праздника, я позволю себѣ высказать вкратцѣ свои на этотъ счетъ предположенія ¹⁾.

Для меня ясно вырисовываются четыре совершенно различныхъ элемента, которые проявляются въ этомъ празднествѣ у айновъ о. Сахалина.

Прежде всего, это пиршество есть остатокъ первобытнаго коммунизма, заключающагося здѣсь въ совмѣстномъ потребленіи вкус-

---

¹⁾ Высказываемый ниже взглядъ на происхожденіе и смыслъ медвѣжьяго праздника остается всѣцѣло на отвѣтственности автора.

наго мяса животнаго, которое на столъ дикарей-охотниковъ всегда появлялось рѣдко. У айновъ до сихъ поръ сохранился обычай раздачи вѣль жителямъ села такого блюда, которое приготовлено въ одномъ домѣ и одною семьею, но которое является болѣе изысканнымъ, а не обычною ъдою. Сваренная въ одной юртѣ каша изъ разныхъ дикихъ кореньевъ всегда даетъ поводъ пригласить гостей; отсутствующимъ разсыпается въ мисочкахъ хотя немного этого лакомства. (См. доп. № 24). Охотникъ, убившій нерпу, оленя или другое животное, считаетъ своимъ долгомъ подѣлиться мясомъ со своими сосѣдями и родными, живущими подальше. Убитый въ лѣсу медвѣдь также потребляется совмѣстно большимъ количествомъ созываемыхъ тогда гостей. Не могло быть исключенія и для такихъ животныхъ, какъ лиса и медвѣдь, пойманыхъ малыми въ лѣсу и воспитанныхъ затѣмъ до болѣе зрѣлаго возраста, когда ихъ шкура представляетъ немалую цѣну для человѣка.

Насколько силенъ еще принципъ совмѣстнаго потребленія, видно изъ того, что часть мяса медвѣдя оставляется для отсутствующихъ на праздникъ пріятелей, хотя весь обрядъ его скорѣе вызываетъ необходимость закончить ъду и сложить всѣ кости въ моментъ самого праздника.

Сильно проявляется въ описанномъ праздникѣ и второй элементъ—развлеченіе. Айны находятся на той пизшей ступени развитія человѣка, когда потребность въ развлеченияхъ чрезвычайно сильна.

Медвѣжій праздникъ—это огромныхъ размѣровъ забава не для одного села или рода, но почти племеннаѧ. Люди съѣзжаются изъ отдаленныхъ мѣсть: старые—чтобы повидаться и поговорить съ друзьями, молодые—чтобы повеселиться, поплясать, показать свою красоту и ловкость и поглядѣть на людей, дѣти—чтобы натѣшиться зрѣлищемъ праздника и налакомиться. Всѣ являются въ новой или въ лучшей одеждѣ, удовлетворяя свои эстетическія потребности. Для этого также привозятъ съ собою сабли и колчаны, создавая маленькая выставки дорогихъ для нихъ предметовъ.

Въ самомъ обращеніи съ медвѣдемъ проглядываютъ двѣ стороны: одна—болѣе серіозная, о которой скажу ниже, другая—игривая. Когда молодежь по-очереди бросается медвѣдю на голову, она играетъ съ нимъ, упражняется въ ловкости, вырабатываетъ смѣлость. Въ рѣчи, которую произносить стариkъ во время питья „сакѣ“, говорится прямо, что съ медвѣдемъ собираются устроить забаву („сіобх“).

Наряду съ элементомъ потѣхи, развлечения, къ празднику медвѣдя пріурочено воспоминаніе и оплакивание умершихъ, о чёмъ я упоминалъ уже выше. Чтобы не нарушить веселья, которымъ должны быть полны канунъ и день выведенія медвѣдя, время для совмѣстнаго плача всѣхъ гостей выбрано передъ разсвѣтомъ, когда уже кончилась одна вступительная часть праздника, но не наступила другая, самая главная. Возникновеніе этого обычая поминокъ произошло, по всей вѣ-

роятности, совершенно естественно. Многие изъ съѣзжавшихся на празднество гостей видятся между собою только на такихъ сборищахъ. Здѣсь они узнаютъ, что въ семье хозяевъ нѣть уже въ живыхъ иль которыхъ членовъ ея, съ которыми надѣялись провести пріятно время. Родственники умершихъ также сильно припоминаютъ себѣ въ этотъ выдающейся день отсутствіе потерянныхъ близкихъ. Совмѣстное оплакиваніе облегчаетъ горе родныхъ и является данью почета покойникамъ. Поэтому постепенно создался взглядъ, что, послѣ смерти близкаго и въ особенности почитаемаго человѣка, очень важно добыть медвѣженка, выкормить его, чтобы затѣмъ въ день его выведенія имѣть возможность въ большомъ обществѣ родственниковъ и друзей поплакать надъ родными, ушедшими въ другой міръ.

„Пеуре рај айну сїphi анамі—тамбе піріка“—„вмѣсто умершаго человѣка посадить въ клѣтку медвѣженка—это хорошо“—объяснялъ мнѣ одинъ пожилой и болѣе откровенный на разговоръ айнъ. (Ср. дополн. №№ 1 и 2).

Послѣ описаннаго мною выше праздника, въ томъ же селеніи послѣдовалъ другой въ 1904 г., т.-е. спустя годъ послѣ первого. Гостей было приглашено еще больше; убито было сразу два медвѣдя. Потомъ айны говорили мнѣ, что всѣ родственники утонувшихъ нашли возможнымъ успокоиться въ своей печали, которая вкрадась въ ихъ сердца со времени постигшаго ихъ несчастія.

Что не весь праздникъ удѣляется воспоминанію объ умершихъ, показываетъ тотъ фактъ, что старухъ, слишкомъ долго проливавшихъ слезы, удерживали отъ продолжительного плача и даже покрикивали на нихъ. Слезы не приличествовали бы веселью, ради чего и собралась большая компанія, и не менѣе были бы несоответственны съ четвертымъ элементомъ праздника, доминирующемъ, пожалуй, на немъ элементомъ религіознымъ.

Не можетъ быть, конечно, сомнѣнія въ томъ, что у айновъ медвѣдь не считается божествомъ, но онъ и не жертва, приносимая богу. Богомъ, отъ которого зависить медвѣдь, является, по мнѣнію айновъ, богъ высокихъ горъ „Метохкамуї“ или „Метотус-пе“. (См. доп. № 30). Онъ распоряжается этимъ видомъ четвероногихъ, учить ихъ и послыаетъ съ вершинъ горъ въ долины рѣкъ со специальною цѣлью ублаготворить людей. (См. доп. № 36). Послѣдніе, убивъ воспитаннаго медвѣженка, не дѣлаютъ ему въ сущности никакого вреда. Айны глубоко вѣрять, что всякое животное послѣ смерти возрождается. Нельзя только забросить головы его. Медвѣженокъ же, воспитанный въ селеніи людьми, пойдетъ къ своимъ роднымъ, что, конечно, можетъ доставить всякому лишь большое удовольствіе. Нѣть поэтому надобности ни въ какихъ извинительныхъ словахъ, въ просыбахъ о прощеніи. Такъ именно иль некоторые путешественники объясняли обращеніе къ медвѣду, передъ его убіеніемъ. Приведенная выше рѣчь, записанная мною подъ диктовку

умнаго старика, съ которымъ я былъ два года въ дружбѣ, ясно показываетъ, что тамъ нѣть и намека на извиненіе. Указывается лишь стараніе сдѣлать пребываніе медвѣдя у людей пріятнымъ, чтобы побудить его прислать взамѣнъ себя „существо себѣ подобное“.

Медвѣдь, отправляясь въ свой домъ, къ своему „хозяину“, несетъ послѣднему отъ людей подарки — „души“ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые красовались у забора въ день праздника. Богъ горь, имѣя видъ человѣка, любить все то, что нравится послѣднему, и, ради получения человѣческихъ вещей, время отъ времени посыпаетъ за пими медвѣдя. Угодить и умилостивить бога горь важно для бѣднаго дикаря-охотника, разсчитывающаго затѣмъ на благосклонное къ нему вниманіе со стороны этого божества. Слуга его, медвѣдь, является посломъ, замѣнія обычнаго посредника, посыпаемаго отъ людей къ богамъ — собаку. Когда медвѣдь долго не попадается охотнику, когда не удается поймать малыхъ медвѣжатъ, то айны душить собаку и голову ея вѣшаютъ на „інау“, которое ставятъ въ одномъ мѣстѣ съ головами медвѣдей. Душа собаки предстаетъ передъ богомъ горь и старается смягчить его гиѣвъ, вызвать вновь расположеніе къ людямъ.

Медвѣдь, впрочемъ, и самъ по себѣ — существо, симпатизирующее человѣку и могущее влиять на его судьбу. При переселеніяхъ на новое мѣсто стараются поймать медвѣженка и выкормить его, что приносить съ собою благополучіе. Хотя айны въ прежнее время держали и воспитывали у себя другое животное — лису, но по отношенію къ ней не пріурочено свѣтлыхъ надеждъ на будущее. Лиса, напротивъ того, всегда готова вредить людямъ. Медвѣдь причиняетъ зло лишь въ томъ случаѣ, если чѣмъ-либо обижень. Желаніе благодѣтельствовать айнамъ у медвѣдя является по той уже причинѣ, что онъ имъ — родственникъ. Нѣкоторые аинскіе роды на Сахалинѣ считаютъ своимъ покровителемъ медвѣдя, который фигурируетъ въ числѣ другихъ тотемовъ, довольно ярко выраженныхъ у аиновъ въ преданіяхъ о происхожденіи отдѣльныхъ родовъ.

Въ рѣчи, обращенной къ медвѣдю, его называютъ внукомъ. Въ одной записанной мною поэмѣ выясняется начало этой родственной связи аиновъ съ медвѣдемъ. Праородитель аиновъ, наполовину богъ, наполовину человѣкъ, всегда упоминающійся въ этого рода пѣсняхъ, „'Jaјresupo“ („самъ себя выростившій“) былъ виновникомъ появленія на свѣтѣ у медвѣдицы сына. Изъ дремучихъ лѣсовъ, со склоновъ горъ родители повели его въ долины, поближе къ дому 'Jaјresupo, чтобы онъ могъ полюбоваться и взять къ себѣ малыша. Съ этого времени и пошелъ будто бы обычай выкармливанія медвѣжатъ и убиванія ихъ съ торжественностью, соответствующею ихъ близости къ человѣку и богу горь и тому вліянію, которое косолапыя четвероногія животные оказываютъ на несложную, но полную таинственности жизнь дѣтски наивныхъ первобытныхъ людей, волосатыхъ аиновъ.